

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(ФГБОУ ВО «АмГУ»)

Факультет филологический
Кафедра русского языка, коммуникации и журналистики
Направление подготовки 45.04.01 – Филология
Направленность (профиль) образовательной программы – Русский язык в межкультурной коммуникации

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
И.о. зав. кафедрой
_____ А.В. Блохинская
« _____ » _____ 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему: Концептуальное наполнение русских и китайских народных сказок

Исполнитель студент группы 597-ом2	_____	Ци Сяюе
	(подпись, дата)	
Руководитель канд.филол.наук, доцент	_____	Н.И.Белозубова
	(подпись, дата)	
Руководитель магистерской программы	_____	ФИО
	(подпись, дата)	
Нормоконтроль	_____	ФИО
	(подпись, дата)	
Рецензент	_____	ФИО
(подпись, дата)		

Благовещенск 2017

РЕФЕРАТ

Магистерская диссертация содержит 97 с., 100 источников.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ, КОНЦЕПТОСФЕРА, НАРОДНАЯ СКАЗКА, РУССКАЯ СКАЗКА, КИТАЙСКАЯ СКАЗКА, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

В диссертационном исследовании рассматриваются концепты, выявленные из русских и китайских народных сказок. Основу русских волшебных сказок составляет бинарная оппозиция «добро-зло», в которой отражается морально-этический идеал русского народа. В китайских народных сказках бинарная оппозиция «добро-зло» находит свое отражение в сказках о животных и бытовых сказках и имеет несколько иной смысл: она отражает отношение – и с другими людьми, и к другим людям.

Актуальность выбранной нами темы определяется повышенным интересом современной лингвистики к проявлению национального менталитета в языке.

Целью нашей работы является рассмотрение концептуального наполнения русских и китайских народных сказок.

Объект исследования – тексты русских и китайских народных сказок.

Предмет исследования – лингвокультурные концепты русских и китайских народных сказок.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в попытке сравнения содержания концептов русских и китайских сказок, определение факторов, обуславливающих это.

Практическая значимость данной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в практике преподавания РКИ, в лекционных курсах по лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, русской литературе (русскому фольклору), лингвострановедению.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1 Лингвокультурная концептология: становление исследовательского направления	7
1.1 Лингвокультурный концепт и его значение	7
1.2 Базовые характеристики лингвокультурного концепта	13
1.3 Ассоциативная модель лингвокультурного концепта	23
1.4 Фикциональная составляющая лингвокультурного концепта	29
1.5 Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок	33
2 Лингвокультурные концепты в русских и китайских народных сказках	44
2.1 Концепты «добро/зло» в русских и китайских народных сказках	44
2.2 Концепт «красота» в русских и китайских народных сказках	58
2.3 Концепт «животные» в русских и китайских сказках	67
2.4 Концепт «семья» в русских и китайских сказках	71
2.5 Цветовой код в русских и китайских сказках	81
Заключение	88
Библиографический список	92

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается значительное расширение культурных контактов русского и китайского народов. В межкультурной коммуникации, в преподавании русского языка как иностранного требуется учитывать особенности национального менталитета. Изучение концептов как сущностей, раскрывающих мировосприятие народа, позволяет решить эту задачу.

Интерес для исследования представляет устное народное творчество во всём многообразии его жанров. Фольклорные тексты с их традиционностью, устойчивостью, минимальной субъективностью являют собой «исповедь народа» и считаются «образцами высокой культуры».

Актуальность исследования. Актуальность данного исследования определяется повышенным интересом современной лингвистики к проявлению национального менталитета в языке.

Объект исследования – русские и китайские тексты народных сказок.

Предмет исследования – лингвокультурные концепты русских и китайских народных сказок.

Научная новизна магистерской диссертации заключается в попытке сравнения содержания концептов русских и китайских сказок, определение факторов, обуславливающих это.

Цель исследования – рассмотреть концептуальное наполнение русских и китайских народных сказок.

Для достижения данной цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) уточнить позиции лингвокультурного концепта в контексте культурологических, лингвистических категорий;
- 2) описать базовые характеристики лингвокультурного концепта;
- 3) выделить в русских и китайских народных сказках лингвокультурные концепты, установить их роль в языке русского и китайского народа;

4) охарактеризовать лингвокультурные концепты русских и китайских сказок, описать их национально-культурные особенности, закономерности функционирования, средства вербализации;

5) сравнить русскую и китайскую картины мира в народных сказках: определить черты сходства и различия.

Материал исследования: фактический материал для диссертации извлечён из различных русских фольклорных сборников, дополнен иллюстративным материалом сайта «Национальный корпус русского языка», данными толковых словарей русского языка (С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, Д.Н. Ушаков, В.И. Даль и др.).

Теоретико-методологическую базу магистерского диссертационного исследования составили многочисленные работы: общие труды по лингвокультурологии (В.В. Красных 2002, В.А. Маслова 1997, 2001, И.Г. Ольшанский 2000, А.Т. Хроленко 2001 и др.); исследования по лингвокультурологическому анализу фольклорного текста (В.В. Воробьёв 1994, Ф. Ленц 1995, В.Я. Пропп 1928, 1946, 1976, Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина 1989, Р.М. Теремова 1998, Р.М. Теремова, В.Л. Гаврилова 1996 и др.).

Практическая значимость данной работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы в практике преподавания РКИ, в лекционных курсах по лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации, русской литературе (русскому фольклору), лингвострановедению.

Методы исследования: метод сплошной выборки, лингвокультурологический анализ, описательный и сравнительный методы, метод аналогии.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концепты «добро/зло», «красота», «животные», «семья» – ключевые концепты русской и китайской культуры, позволяющие построить фрагмент картины мира русского и китайского народов;

2. Основным средством отражения концептов в сказочном тексте является вербализация. Большую роль в раскрытии содержания культурных концептов в русских и китайских народных сказках играют лексические средства

языка: пословицы и поговорки, выразительные средства языка. Они помогают представить менталитет, национальные особенности этноса и выявить лингвокультурологический потенциал культурных концептов.

3. Культурно-исторические предпосылки формирования концептов в русской и китайской культурах обуславливают национально-культурную специфику исследуемых концептов и наличие существенных расхождений.

Апробация работы: основные положения диссертации были изложены в докладах на региональных научных конференциях: XXV научная студенческая конференция «Дни науки АмГУ – 2016», XXVI научная студенческая конференция «Дни науки АмГУ – 2017»; опубликованы в сборнике «Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материалы XVIII региональной научно-практической конференции от 24 мая 2017 года» (Ци Сяюе Концепт «красота» в русских и китайских сказках).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

1 ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

1.1 Лингвокультурный концепт и его значение

Тенденция к взаимопроникновению различных отраслей научного знания – одна из определяющих характеристик науки XXI века. В сфере гуманитарных дисциплин выражением этого стремления к синтезу стала активизация культурологических исследований, т.е. исследования феномена культуры, включающего в себя все многообразие деятельности человека и ее опредмеченных результатов.

Термин «концепт» находит широкое применение в различных областях лингвистической науки. Он вошел в понятийный аппарат не только лингвокультурологии, но и когнитивистики и семантики. Период утверждения термина в науке непременно связан с определенной произвольностью его употребления, размытостью границ, смешением с близкими по значению и/или по языковой форме терминами. Например, в исследованиях часто прослеживается смешение понятий «когнитивный концепт» и «лингвокультурный концепт»¹.

Существует несколько подходов к определению термина «концепт». Ю.С. Степанов определяет понятие концепт следующим образом: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»².

Обратившийся одним из первых в мировой лингвистике к исследованию концептов С.А. Аскольдов считал, что наиболее существенной функцией концептов как познавательных средств является функция заместительства. По мнению ученого, концепт является «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же

¹Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. С. 47.

² Слышкин Г.Г. Текстовая концептосфера и ее единицы // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. С. 88.

рода»³. Далее он говорит, что «не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов, он может быть заместителем разного рода: чисто мысленных функций»⁴. Д.С. Лихачев, продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, предложил считать концепт «алгебраическим выражением значения, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.)»⁵.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают лингвокультурный концепт условной ментальной единицей, направленной на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Соотношение лингвокультурного концепта с тремя выше указанными сферами может быть сформулировано следующим образом:

сознание – область пребывания концепта (концепт лежит в сознании);

культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры);

язык и/или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается⁶.

В то же время они считают эту схему относительной, указывая на сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура» (язык является одновременно и частью культуры, и внешним для нее фактором), а также на наличие двусторонней связи между языком и сознанием (категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими).

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, используемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий, скрипт, понятие, образ, архетип, гештальт, мнема, стереотип), акцентуацией ценностного элемента. Центр концепта – это всегда ценность, так

³ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 267.

⁴ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Академия, 1997. С. 268.

⁵ Красавский Н.А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Волгоград, 2000. С. 90.

⁶ Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. С. 112.

как концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип.

Структура концепта в лингвокультурологии трехкомпонентна. Кроме упомянутого ценностного элемента, в ее составе могут быть выделены фактуальный и образный элементы. Фактуальный элемент концепта хранится в сознании в вербальной форме и поэтому может воспроизводиться в речи непосредственно, образный же элемент невербален и поддается лишь описанию.

Лингвокультурные концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты образуют, например, эмоциональную⁷, образовательную, текстовую и др. концептосферы. Классифицируются концепты и по своим носителям: индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском.

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют концепт как комплексную ментальную единицу, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои, при этом соответствующие признаки или слои концепта могут не иметь языкового обозначения в родном языке⁸. Концепт вербализуется в языке готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка; свободными словосочетаниями; структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты); текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов). Концепты могут быть устойчивыми – имеющими закрепленные за ними языковые средства вербализации, и неустойчивыми – не имеющими закрепленных за ними средств вербализации, нестабильными, еще формирующимися, глубоко

⁷ Стернин И.А. Смех и культура. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

⁸ Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 342.

личностными, редко или совсем не вербализуемыми. Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его известным (поскольку значения слов, которыми он передается, общеизвестны, они толкуются носителями языка, отражаются в словарях).

Учеными предложена следующая модель концепта: ядром концепта является чувственный базовый образ, выступающий как кодирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают некоторые наблюдения, имеет операционный или предметный характер, базируясь на биодинамической и чувственной ткани сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, который отражает чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым относится к бытийному слою сознания. Далее в структуре концепта (хотя и не у всех) выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания. И, наконец, интерпретационное поле концепта, включающее оценку содержания концепта, интерпретирующее отдельные когнитивные признаки и формирующие для национального сознания вытекающие из содержания концепта рекомендации по поведению и осмыслению действительности, может быть связано с духовным уровнем сознания, который предполагает в широком смысле оценку концепта с точки зрения его ценности для нации⁹.

Таким образом, лингвокультурные концепты занимают важное положение в индивидуальном и коллективном языковом сознании, чем и обуславливается актуальность их исследования. Главные положения теории концепта, предложенной В.И. Карасиком, следующие:

1. Основной единицей отражения и интерпретации действительности (физической и психической) сознанием человека является лингвокультурный кон-

⁹ Лихачев Д.С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 342–403.

цепт, формирующийся в результате редукции фрагмента познаваемого мира до пределов человеческой памяти, включения данного фрагмента в контекст культуры и его воплощения в вербальных единицах, необходимых для удовлетворения коммуникативных потребностей членов социума.

2. К базовым характеристикам лингвокультурного концепта относятся комплексность бытования в языке, сознании и культуре, ментальная природа, ограниченность сознанием носителя, ценностность, условность и нечеткость, когнитивно-обобщающая направленность, полиапеллируемость, изменчивость, трехуровневое лингвистическое воплощение, включающее уровни системного потенциала, субъектного потенциала и текстовой реализации.

3. Развитие, усложнение и специализация лингвокультурных концептов дают возможность противопоставить концепты и метаконцепты (первичные и вторичные концепты). Метаконцепты образуются в результате осмысления продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.). В метаконцептах реализуется рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом и/или субъектом которой он является.

4. Реконструкция лингвокультурного концепта может осуществляться как построение его ассоциативной модели. В рамках данной модели функционирование концепта рассматривается как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами. Ассоциативная структура концепта включает четыре элемента:

интразону – совокупность входящих смысловых ассоциаций,

экстразону – совокупность исходящих смысловых ассоциаций,

квазиинтразону – совокупность входящих формальных ассоциаций,

квазиэкстразону – совокупность исходящих формальных ассоциаций.

Актуальность лингвокультурного концепта измеряется как номинативная плотность на входе и метафорическая диффузность на выходе.

5. На основе проявления показателей номинативной плотности и метафорической диффузности в динамике развития концепта может быть построена следующая классификация лингвокультурных концептов:

пропорциональные концепты – концепты, у которых продолжают обогащаться как интразона, так и экстразона;

сформировавшиеся концепты – концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона;

формирующиеся концепты – концепты, которые еще не обладают экстразоной, но уже имеют развитую интразону;

предельные концепты, т. е. концепты, интразона которых постоянно расширяется, а экстразона отсутствует по причине высокой степени абстрактности концептуализируемых понятий.

рудиментарные концепты – концепты, почти или полностью утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны.

6. Для обеспечения экземплификации мышления и коммуникации человеческое сознание порождает особый тип концептов – концепты прецедентных феноменов. Существуют концепты единичных прецедентных феноменов (личностей, событий, артефактов, географических объектов) и концепты прецедентных миров. К последним относятся концепты реконструируемых (исторических) миров и метаконцепты воображаемых (художественных) миров.

7. Утилитарной направленностью языка обусловлено преобладание в лингвокультуре социума негативных ценностей по сравнению с позитивными. В связи с этим повышенную значимость для изучения той или иной лингвокультуры приобретает моделирование концептов и метаконцептов смеховых жанров, в картине мира которых негативные ценности концентрируются в гиперболизированном виде, а позитивные – в карнавальной инверсии. Центральными концептами смеховой картины мира являются концепты «нелепое», «запретное», «страшное» и «претенциозное»¹⁰.

¹⁰ Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж 1996. С. 98.

В заключение еще раз следует отметить, что культура представляет собой сложный феномен, определяющий систему ценностных ориентаций как общества в целом, так и отдельных носителей определенной культуры. При этом каждая культура находит уникальное отражение в языке – ее носителе. Знание языковых форм без учета культурного компонента языкового значения ведет к поведению, отражающему собственные культурные нормы обучающегося и входящего в конфликт с поведением носителей этой культуры. Для осуществления продуктивного межкультурного общения у обучающихся должны быть сформирована межкультурная компетенция. Это компетенция не имеет аналогов с компонентами коммуникативной компетенции носителя языка и может быть присуща только медиатору культур – языковой личности, познавшей как особенности разных культур, так и особенности их (культур) взаимодействия. Межкультурная компетенция – это такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и осуществлять медиативную деятельность, не утрачивая собственной культурной идентичности, то есть ее формирование также связано с различными дисциплинами и зависит от владения специфическими знаниями о лингвокультурных концептах.

1.2 Базовые характеристики лингвокультурного концепта

Концепт – понятие широко эксплуатируемое в современной лингвистике. Известно, что приобретение термином статуса «модного» всегда вызывает некоторую расплывчатость его понимания и беспорядочность употребления, т.к. «модный» термин часто выполняет в научной работе не столько информативную, сколько парольную функцию. В.И. Карасик представляется принципиально важными следующие характеристики лингвокультурных концептов:

1. Комплексность бытования. Лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры.

2. Ментальная природа. Лингвокультурный концепт отличается от других единиц, используемых в лингвокультурологии (науке о взаимосвязях языка и культуры), своей ментальной природой. Если предлагаемая Е.М. Верещагиным

и В.Г. Костомаровым логоэпистема¹¹ является, по сути, элементом значения слова и локализуется в языке, а введенная В.В. Воробьевым лингвокультурема определяется как единица межуровневая, т.е. не имеющая определенной локализации, то концепт находится в сознании. Именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, поэтому любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

Сознание традиционно определяется в психологии как высшая форма отражения действительности в психике человека. С областью сознания связаны процессы человеческого восприятия, категоризации, архивизации и коммуникативной репрезентации. Концепт участвует в каждом из указанных процессов.

3. Ограниченность сознанием носителя. Лингвокультурный концепт существует в индивидуальном или коллективном сознании. Любые элементы, отсутствующие в сознании данного индивида/группы, в структуру концепта данного индивида/группы включаться не могут. В этом смысле выделяемые Ю.С. Степановым слои концепта следует рассматривать как отдельные концепты различного объема, а не как компоненты единого концепта. Активный слой («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт, пассивные слои («дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры») принадлежат концептосферам отдельных субкультур, внутренняя форма концепта («не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов») для большинства носителей культуры является не частью концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов.

Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Производная

¹¹ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1999. С. 46.

эта образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений. В этом смысле, по справедливому замечанию А.А. Залевской, коллективные концепты являются конструктами (также как, впрочем, коллективный язык и коллективная культура).

4. Ценностность. Из всех существующих подходов к определению культуры для лингвистического исследования наиболее удобен ценностный подход, восходящий к философам баденской школы В. Виндельбанду и Г. Риккерт. Согласно данному подходу, «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления или созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком; и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям»¹².

Чистая когнитивистика может рассматривать потенциальные концепты (так, например, «в парадигме «специалист по исследованию животных» есть кролиководы, животноводы, овцеводы и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., поскольку эти профессии не востребованы. Соответствующие концепты есть, но нет семем и лексем»). Для лингвокультурологии концепты «носороговод» и «крысовод» не существуют, но не потому, что для них нет языкового обозначения, а потому, что в сознании носителей языка нет ценностного отношения к подобным феноменам.

Ценности тесно связаны со способностью человека к созданию общественных идеалов. «Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества»¹³. Ценности, а, следовательно, и включающие их в себя концепты, являются по сути отражением отдельных аспектов таких идеалов. Идеалы эти могут рефлексироваться широкими массами носителей данной культуры, но могут и не поддаваться рефлексии. Так, например, концепты

¹² Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 69–104.

¹³ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Литера», 1994. С. 154.

«Третий Рим», «мировая революция», «рыночные отношения» отражают рефлектируемые идеалы, свойственные различным периодам отечественной истории. Концепты же «душа», «тоска» и «судьба», которые А. Вежбицкая считает наиболее полно отражающими особенности русского национального характера,¹⁴ связаны с массово неосознаваемыми и эксплицитно невыраженными ценностными доминантами русской культуры. Б. Парыгин отмечает, что в существующей в обществе системе ценностей следует различать ценности санкционируемые и культивируемые официально, с помощью находящейся в распоряжении государства разветвленной системы средств, и ценности, которые функционируют лишь на уровне обыденного сознания¹⁵. Поскольку одним из фундаментальных свойств культуры является ее интегративность, реализующаяся в тенденции элементов культуры образовывать согласованное и неразрывно связанное целое, то можно говорить о наличии системных связей между всеми эксплицитно или имплицитно, официально или неофициально функционирующими в данной культуре идеалами, а также и между выражающими их лингвокультурными концептами.

Акцентуация ценностной составляющей в структуре концепта сближает концепт с философской категорией ценности. Однако между философской и лингвистической репрезентацией ценностей есть ряд существенных различий. На наш взгляд, они заключаются в следующем:

В философии (прежде всего неокантианской) ценности приписывается сверхэмпирический характер и отсутствие связи с творческими усилиями индивида. Так, В. Виндельбанд писал: «...индивид никогда не должен приписывать себе творческой силы в порождении предметов; там, где речь идет об истинных культурных ценностях, мы никогда не действуем как индивиды или даже как экземпляры нашего рода, но всегда как хранители и носители сверхэмпирических и потому предметно, на существование самих вещей основанных функций разума»¹⁶. Для лингвокультурологии ценность эмпирична, измеряема, изменчива

¹⁴ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 245.

¹⁵ Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. С. 67.

¹⁶ Яковенко Б. Вильгельм Виндельбанд // Вопросы философии и психологии. 1916. С. 132.

во времени и специфична в коммуникативном пространстве. Каждый коммуникативный акт может быть рассмотрен как усилие индивида по сохранению или изменению той или иной ценности.

За пределы философской теории ценности выносятся праксиологическая категория полезности¹⁷. Для лингвокультурологии подобное размежевание не является значимым, поскольку языковые механизмы объективации аксиологических и праксиологических категорий тождественны.

Философия в основном рассматривает позитивные ценности (ср., например, известную ценностную триаду «истина – добро – красота»). Для языка же, с его утилитарной направленностью, более актуальными оказываются ценности негативные. Это доказывается следующими закономерностями:

1) в рамках языковой синхронии – количественным доминированием в лексическом фонде языка отрицательно оценочных слов по сравнению со словами, несущими позитивную оценочность (подсчитано, что в словаре С.И. Ожегова из существительных, которые могут быть отнесены к человеку, на одно слово с позитивной оценочностью приходится двадцать слов с негативной;¹⁸

2) в рамках языковой диахронии – более высокой частотностью пейоративизации значения слова по сравнению с мелиорацией;

3) в рамках коммуникативного процесса – способностью большинства позитивно оценочных слов приобретать негативный смысл в составе стилистической фигуры иронии (у слов с негативным значением эта способность проявляется гораздо реже).

Философа интересует сама ценность, а не ее понятийно-образное воплощение. Лингвометодический аспект в лингвокультурологии является производным, вторичным, но очень важным в методике преподавания РКИ. Для лингвокультуролога значимы прежде всего механизмы этого воплощения. Поэтому в лингвокультурологии возникает потребность в более крупной исследователь-

¹⁷ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. С. 76–83.

¹⁸ Стернин И.А. Проблема сквернословия. Туапсе: ГУП «Туапсинская типография», 2000. С. 30.

ской единице, в которую ценность включается в качестве одного из элементов. Такой единицей стал лингвокультурный концепт.

Философская ценность синкретична. Лингвокультурная ценность разложима на два измеряемых аспекта: актуальность и оценочность. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Аспект оценочности находит выражение в наличии оценочной составляющей в денотате языковой единицы, являющейся именем концепта, в свойствах этой единицы оценочных коннотациях, в сочетаемости этой единицы с оценочными эпитетами. Наличие оценочного аспекта проверяется методами компонентного и контекстуального анализа.

Аспект актуальности реализуется в численности языковых единиц, являющихся средствами апелляции к данному концепту, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в числе отношений типа «стимул → реакция» и «реакция → стимул», в которые эти единицы вовлечены в ассоциативно-вербальной сети. Наличие аспекта актуальности проверяется методами количественного подсчета.

Рассмотрим пример функционирования аспектов оценочности и актуальности в составе лингвокультурного концепта:

5. Условность и нечеткость. Лингвокультурный концепт – это условная единица в том смысле, что сознание синкретично, все его элементы склонны к взаимопроникновению и взаимопересечению, а членение сознания производится в исследовательских целях.

Когнитивными исследованиями доказано, что традиционный подход к мышлению как к процессу оперирования четкими логическими понятиями не отражает сущности ментальной деятельности человека. Система человеческого мышления отнюдь не удовлетворяет правилам классической логики, стремящейся категоризировать действительность при помощи бинарных оппозиций типа «белое/черное», «истина/ложь», «много/мало», «да/нет» и т.п. Эти правила применимы скорее к искусственному интеллекту, ограниченному количеством функций, которые задают ему создатели. Для моделирования мышления чело-

века и опредмечивающей его коммуникации более адекватными являются категории нечеткой логики.

Основы теории нечеткой логики были заложены в работах американского математика Лофти Заде. Согласно его концепции, в основе повседневного мышления лежат нечеткая истинность, нечеткие связи и нечеткие правила вывода. В рамках подобного мышления переход от «принадлежности классу» к «непринадлежности» ему не скачкообразен, а градуален: между черным и белым всегда находится множество оттенков серого. Нечеткость мышления обусловлена неопределенностью отражаемого мира, предоставляющего человеческому восприятию информацию, которая обычно является неполной, а иногда – недостоверной.

Лингвокультурному концепту как ментальной единице в полной мере свойственна нечеткость. Он группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет, по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Языковая или речевая единица, которой актуализируется центральная точка концепта, служит именем концепта.

6. Когнитивно-обобщающая направленность. Характерная для XX века тенденция к взаимопроникновению различных областей знания вызвала потребность в единице, сводящей воедино результаты различных познавательных процессов и ментальных операций, опредмеченных в языке и эксплуатируемых в коммуникации. Такой единицей стал концепт, при изучении которого произошло обобщение ряда аспектов лингвокогнитивной деятельности, прежде рассматриваемых изолированно. В лингвоконцептологическом исследовании в неразрывном единстве стали рассматриваться следующие феномены:

Языковое и энциклопедическое значения слова. Данное обобщение основывается на выдвинутом А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским постулате о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистиче-

ского знания в рамках когнитивного исследования: «Когнитивная лингвистика, обращаясь к категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов»¹⁹.

Элементы наивного и научного видов сознания. Традиционное противопоставление наивной и научной картин мира доказало свою несостоятельность. В сознании среднего носителя современной культуры, подвергающегося воздействию образовательных институтов и средств массовой информации, наивное и научное переплетаются самым причудливым образом и различению не поддаются. С одной стороны, неизбежное для современного человека знакомство с самыми общими основами главных отраслей знания сделало невозможным существование наивного сознания в чистом виде. С другой же стороны, узкоспециальные ориентации современной науки, слабость общенаучного синтеза и недостатки системы образования позволяют человеку полностью освободиться от наивных элементов сознания лишь в очень узкой научной сфере (так, например, профессиональный химик свободен от наивно-химических представлений). Поэтому мы можем говорить о сосуществовании в сознании индивида общекультурных (неспециализированных) и профессиональных (специализированных) концептов.

Различные моделируемые структуры сознания (фрейм, гештальт, схема, сценарий (скрипт), пропозициональная структура и т.д.) стали рассматриваться как гипонимы концепта или как части по отношению к целому. Обладая более четкой, нежели концепт, структурой, эти единицы могут использоваться исследователями для моделирования концепта.

Первоначально возникло противопоставление «познавательный концепт – художественный концепт», затем понятийный и образный элементы стали включаться в структуру единого концепта²⁰. При этом отмечается возможность неравномерной реализации данных элементов в различных типах дискурса: ес-

¹⁹ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 56. 1997. № 1. С. 11–21.

²⁰ Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002. С. 88.

ли в бытовом общении обычно доминирует понятийный элемент концепта, то для поэтического дискурса более актуален элемент образный.

Характерно, что параллельно концептуализму в лингвистике стало развиваться одноименное направление в искусстве, осуществляющее обратное движение от конкретно-чувственного восприятия к интеллектуальному осмыслению. Концептуализм претендовал на роль феномена культуры, синтезирующего в себе науку (в первую очередь гуманитарные науки – эстетику, искусствознание, лингвистику, но также и математику), философию и собственно искусство в его новом понимании (арт-деятельность, артефакт). На первый план в концептуализме выдвигается концепт – формально-логическая идея вещи, явления, произведения искусства, его вербализуемая концепция, документально изложенный проект. Суть арт-деятельности усматривается концептуализмом не в выражении или изображении идеи (как в традиционных искусствах), а в самой «идее», в ее конкретной презентации, прежде всего, в форме словесного текста, а также сопровождающих его документальных материалов типа кино-, видео-, фонозаписей. Таким образом, можно констатировать, что в категории «концепт» нашла выражение потребность в синтезе различных форм сознания и культуры, прежде ориентированных на взаимоотношение.

Когнитивно-обобщающая направленность концепта находит воплощение в предложенной В.И. Карасиком модели концепта, включающей фактуальный (понятийный), образный и ценностный элементы. Наличие первых двух элементов сводит воедино два основных способа осмысления действительности. Третий (ценностный) элемент, который собственно и делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст.

Представляется оправданным дальнейшее членение данных элементов. Как отмечалось выше, внутри ценностного элемента могут быть выделены аспекты оценочности и актуальности.

Фактуальная составляющая, моделируемая как совокупность пропозиций, включает информационные совокупности трех видов²¹:

- 1) повседневное знание, воплощенное в языковых дефинициях (Мудрый – одаренный большим умом и знанием жизни);
- 2) элементы научного знания и общей эрудиции (Волга впадает в Каспийское море; Колумб открыл Америку, но сам не узнал об этом);
- 3) стереотипные и прототипические структуры (например, Шотландцам свойственна жадность; В Африке постоянно жарко).

Образная составляющая включает две группы элементов:

- 1) внутренние формы языковых единиц (медведь – «любящий мед», застолье – «происходящее за столом»);
- 2) образы, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах (кошка, гуляющая сама по себе → кошка как олицетворение независимости).

7. Полиапеллируемость. Концепты активизируются в сознании своих носителей путем ассоциаций, т.е. по схеме стимул → реакция (S→R). Факторами, устанавливающими связь между стимулом и активизируемым им в процессе коммуникации концептом, могут быть индивидуальный опыт коммуникантов, их культурная принадлежность (т.е. коллективный опыт), ситуативный контекст общения. Лингвокультурный концепт принципиально не сводим к значению какой-либо одной языковой единицы. Существует множество способов языковой апелляции к любому лингвокультурному концепту («входов в концепт»).

1.3 Ассоциативная модель лингвокультурного концепта

Одним из знаменательных моментов смены лингвистических парадигм во второй половине XX века стал отказ от сосюровского тезиса о произвольности языкового знака, т. е. об отсутствии мотивированной связи между означаемым и означающим. Обращение к традициям доструктуралистской лингвистики

²¹ Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. С. 96.

реализовалось в диахронической семантике, исследующей типологию и универсалии способов развития того или иного значения. Принцип неслучайности именования в культуре²² стал основополагающим для комплексного исследования языка и культуры. Внутренняя форма языковых знаков различных уровней активно используется для изучения лингвокультурных концептов.

Внутренняя форма слова, по удачному выражению Ю.С. Маслова, есть «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова»²³. В подобном движении мысли и заключается диахроническое существование лингвокультурного концепта. Концепт функционирует как процесс непрерывной номинации и реноминации объектов, появления новых и утраты старых ассоциативных связей между языковыми единицами и номинируемыми объектами. Интенсивность функционирования концепта выражается в сумме двух показателей: номинативной плотности и метафорической диффузности.

Рассмотрение концепта как сильной (ценностно акцентуированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы, перекликается с одним из сформулированных в нейролингвистике принципов деятельности головного мозга: «Известно, что в нормальном состоянии кора головного мозга работает, подчиняясь «закону силы»: сильные (или существенные) раздражители вызывают сильную реакцию, а слабые (или несущественные) раздражители – слабую. Только при действии «закона силы» и может осуществляться та избирательная работа мозговой коры, которая позволяет выделить существенные признаки, тормозить несущественные и обеспечивать стойкую работу сложных понятийных функциональных систем»²⁴.

В процессе моделирования концепта, существующего в сознании носителя культуры, важен не только механизм установления ассоциативной связи между означаемым и означающим (концептом и языковым знаком), но и количество подобных связей, в которые вовлечен тот или иной концепт. В качестве

²² Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 632.

²³ Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1987. С. 44.

²⁴ Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 287.

важнейшего показателя актуальности какой-либо сферы действительности для носителей культуры рассматривается номинативная плотность²⁵ (близкий термин – культурная разработанность²⁶, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, наличие множества вариантов его обозначения и смысловых оттенков. Различия в номинативной плотности дают возможность говорить о специфике картины мира той или иной культуры или субкультуры, о степени приоритетности для носителей языка или подязыка тех или иных явлений. Так, Р. Диксон отмечает, что для австралийских языков характерна высокая степень детализации в наименовании различных типов шумов, различных видов песка и т. д.²⁷ М.Ю. Титоренко, анализируя лексику сленга молодежной субкультуры хип-хоп, строит пять фреймов, соответствующих основным ценностям этой субкультуры: «наркотические вещества», «хулиганство/бандитизм», «элементы стиля» (т. е. престижный внешний облик), «автомобили», «музыка и граффити».

Даже кратковременные изменения условий жизни человека провоцируют перестройку свойственной ему системы ценностей и плотности ее языкового воплощения. Реалии, первоначально подвергавшиеся относительно слабой концептуализации, в последующем могут превращаться в центральные элементы концептосферы и становиться объектами детализованной и оценочно насыщенной номинации. Примером подобной перестройки концептосферы является феномен солдатского арго российской (советской) армии, носителем которого человек становится на период срочной воинской службы (2 года). «Особенности солдатского быта приводят к появлению ряда слов, обозначающих реалии, не известные в гражданской жизни. Например, с постоянным дефицитом еды (особенно качественной), которая в разных частях называется хавка или чифан, и необходимостью спрятать ее от посторонних связано появление курков (припрятанной пищи). Узнав о том, что кто-то собирается втайне поесть, военнослужащий может упасть на хвост, т.е. попытаться навязаться к принимающим

²⁵ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166.

²⁶ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 720.

²⁷ Титоренко М.Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.

пищу. Избавиться от такого солдата – отсечь хвост – можно лишь путем решительных действий.

Известно, что характерное для армии отношение солдат к работе как к чему-то, абсолютно от них отчужденному, привело к появлению таких слов, как выщипнуть «поймать ничем не занимающегося солдата и дать ему какое-либо задание; привлечь к работе»; припахать «заставить кого-то (обычно молодых солдат) выполнять не свою работу; переложить свою работу на других»²⁸. Дать точное определение значений этих и других подобных слов затруднительно, если не рассматривать их в контексте солдатского быта»²⁹.

Однако характеристика актуальности лингвокультурного концепта, основанная лишь на признаке номинативной плотности, является заведомо неполной. Лингвокультурный концепт – это двусторонний ассоциативный феномен. Его языковую реализацию нельзя сводить лишь к процессу означивания его собственного референта. Параллельно всегда протекает процесс эксплуатации концепта для означивания других сущностей, выражающийся во вторичных (автономных или фразеологических) значениях имени концепта.

Актуальность концепта предполагает регулярное метафорическое переосмысление номинирующих его единиц.

Ценностное отношение к объекту действительности реализуется в двух взаимодополняющих потребностях языкового сознания: во-первых, как можно более разнообразно и детально номинировать сам объект (придать ему номинативную плотность), во-вторых, как можно регулярнее использовать ассоциативный потенциал этого объекта для номинации максимально возможного количества других объектов (сделать его метафорически диффузным). Номинативная плотность является необходимой характеристикой интразоны концепта (совокупности входящих в концепт ассоциаций), метафорическая диффузность – его экстразоны (совокупности исходящих ассоциаций).

²⁸ Титоренко М.Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 20 с.

²⁹ Дьячок М.Т. Солдатский быт и солдатское аргю // Русистика. Берлин. 1992. № 1. С. 35–42.

Концепт является системным образованием и, как всякая система, имеет вход и выход (термины, производные от англ. input и output). Вход системы – точки приложения воздействий среды (взаимодействующих систем), выход системы – точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде (взаимодействующим системам). Средой, в которой существует концепт, является национальная концептосфера, взаимодействующими системами – другие концепты. Взаимовлияние системы и среды (системы и окружающих систем) осуществляется путем ассоциативного обмена языковыми единицами, в которых опредмечиваются концепты. Возможность этого обмена обусловлена феноменом вторичных (переносных) и фразеологических значений. Совокупность входов в концепт мы будем обозначать как интразону концепта, а совокупность выходов – как его экстразону.

Ассоциирование, формирующее интразону и экстразону концепта, является результатом системного взаимодействия данного концепта с другими концептами. Каждый элемент интразоны концепта является элементом экстразоны другого концепта и наоборот. В некоторых случаях мы можем наблюдать зеркальное ассоциирование. Так, в русском жаргоне слово удавка имеет значение «галстук», а слово галстук и фразеологизм пеньковый галстук имеют значение «петля-удавка».

Ассоциации, которые закреплены в виде кодифицированных (словарных) значений языковых единиц, составляют ядро концепта. Периферия концепта формируется совокупностью контекстуальных ассоциаций.

Культурнозначимые ассоциации основаны на понятийных связях между концептами (сходство, смежность, функциональный перенос и т. п.). Сфера объединений квазикультурных ассоциаций включает в себя вторичные ассоциации, основанные на созвучии языковых единиц. Наличие подобных связей свидетельствует об актуальности концепта для языкового сознания, но не дает информации о его специфике. В языке звуковое ассоциирование проявляется в основном на уровне просторечия (в жаргонах и сленге).

Помимо интразоны и экстразоны в составе концепта следует выделять, во-первых, квазиинтразону – совокупность входящих формальных ассоциаций, во-вторых, квазиэкстразону – совокупность исходящих формальных ассоциаций.

Ассоциация по созвучию в целом не характерна для нормально функционирующего человеческого сознания. Доминирование формальных ассоциаций в тематических областях, относящихся к жизненно важным аспектам существования социума, свидетельствует о ценностном кризисе данной культуры. В подобной ситуации носитель языка не может полностью абстрагироваться от навязываемых ему действительностью ценностей и вынужден включить их в свою концептосферу путем дополнительной номинации. Однако при этом он уклоняется от полноценной концептуализации ценностей и в процессе номинации обращается не к смыслу, а к уже существующей языковой форме.

Принципы номинативной плотности и метафорической диффузности, рассмотренные с точки зрения динамики развития концепта, позволяют построить следующую классификацию концептов:

1. Пропорциональные концепты, т. е. концепты, у которых продолжают обогащаться как интразона, так и экстразона. Эти концепты составляют основу лингвокультуры. Их референты одновременно вызывают к себе познавательный интерес социума, что выражается в насыщенности интразоны концепта, и обеспечивают функционирование лингвокреативной деятельности сознания, о чем свидетельствует богатство экстразоны концепта.

2. Сформировавшиеся концепты, т. е. концепты, у которых завершилось формирование интразоны, но продолжает функционировать экстразона. К таким концептам в современной культуре относятся концепты животных и природных явлений. Новых обозначений они не получают, но продолжают служить источником вторичной номинации. Подобные концепты являются своего рода строительным материалом для обогащения других концептов.

3. Формирующиеся концепты, т. е. концепты, которые еще не обладают экстразонной, но уже имеют развитую интразону. Примером этого класса кон-

цептов являются многочисленные жаргонные наименования, связанные с компьютерным миром.

Подобные концепты уже обладают заметной номинативной плотностью, но еще не являются объектом интенсивного метафорического переноса. Данная группа концептов может рассматриваться как будущее культуры.

4. Предельные концепты, т.е. концепты, интразона которых постоянно расширяется, а экстразона отсутствует по причине высокой степени абстрактности концептуализируемых понятий. К этой группе принадлежат такие концепты как «счастье», «любовь», «героизм» и т.п. Существовая в сознании человека с древнейших времен, эти концепты постоянно наращивают номинативную плотность, но крайне редко становятся источником метафорических переносов. Они образуют своего рода верхний предел концептуализации.

5. Рудиментарные концепты, т. е. концепты, почти или полностью утратившие интразону и сохранившиеся лишь в составе отдельных единиц своей экстразоны. Примером подобного концепта является некогда актуальный для русской культуры концепт «баклушечного промысла» – ремесла, состоящего в раскалывании осиновых чурочек для изготовления мелких деревянных предметов. Ранее номинативная плотность этого концепта для русскоязычного социума была достаточно велика. Теперь он функционирует лишь в составе немотивированного для среднего носителя языка фразеологизма *бить баклуши* – «заниматься пустяками, бездельничать». Подобные концептуальные рудименты стремятся к ассоциированию с новыми концептами, обогащая их интра- или экстразону.

Для превращения данной единицы из концептуального рудимента в элемент нормально функционирующего лингвокультурного концепта, языковое сознание обращается к самому широкому спектру культурных ценностей: спорт, технический прогресс, градостроительство и т.п. Ситуация неопределенной концептуальной отнесенности выражения, несущего оценочность, воспринимается носителем языка как противоестественная и нуждающаяся в изменении.

1.4 Фикциональная составляющая лингвокультурного концепта

Художественное творчество является неотъемлемой частью культуры, а регулярное потребление его продуктов – непременным атрибутом повседневной жизни каждого индивида. Объектами отражения и, следовательно, основаниями для формирования концептов становятся не только элементы окружающего нас материального мира, но и порождения воображаемых авторских или фольклорных миров. Концепты этих миров усваиваются сознанием в результате знакомства с произведениями художественной литературы и других видов искусства. В современной нарратологии для обозначения такого свойства художественного текста, как вымышленность изображаемого в нем мира, используется термин «фикциональность». Фикциональности противопоставляется фактуальность, т.е. принадлежность к реальному миру. «Свойства, которые проявляются в отношениях вымысла и действительности зависят от того, под каким углом зрения они рассматриваются. Один ракурс позволяет судить о том, что в вымысле нет ничего такого, чего не было бы ранее в действительном мире. Согласно другой точке зрения, нет ничего в действительности того, чего ранее не было бы вымыслено»³⁰.

В генезисе картины мира фикциональное начало играет не меньшую роль, чем фактуальное. Будучи объектами постоянной рефлексии со стороны членов социума, феномены, являющиеся основаниями для образования лингвокультурных концептов, непременно подвергаются регулярному художественному осмыслению. Некоторые из результатов этого осмысления (текстов в широком понимании, включая изобразительные, кинематографические, музыкальные и т.д.) становятся общеизвестными (прецедентными) и, в свою очередь, обогащают концепт новыми элементами. Объем накопленного человечеством текстового достояния, важная роль, которую потребление различных типов текстов играет в культуре, делают неизбежным присутствие фрагментов воображаемых миров в любом лингвокультурном концепте. Все это дает возмож-

³⁰ Шилков Ю.М. О природе фикционального дискурса // Я.А. Слинин и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 15–22.

ность говорить о наличии фикциональной составляющей как о неперемной характеристике лингвокультурного концепта. По сути, фикциональная наполненность концепта есть частное проявление его ценностной природы: чем актуальнее ценность для социума, тем интенсивнее ее воплощение в художественных образах.

Фикциональность ни в коем случае не следует смешивать с фиктивностью. «Термин «фиктивный», производный от лат. *fingere* («образовывать», «изображать», «представлять себе», «вымышлять», «создавать видимость»), обозначает объекты, которые, будучи вымышленными, выдаются за действительные, притязают на реальность. Понятие фиктивности содержит, таким образом, момент обмана, симуляции, который слышится и в обыденном словоупотреблении. [...] Литературный вымысел (*fictio*), однако, – это симуляция без отрицательного характера, выдумка, в которой отсутствует момент ложности и обмана»³¹. При анализе лингвокультурных концептов все, что претендует на реальность (т.е. воспринимается сознанием как факт) вне зависимости от того, является ли оно реальным или нет, должно быть отнесено к области фактуального. Например, ассоциация черная кошка – несчастье, при всей ее фиктивности, в сознании суеверного человека относится к сфере фактуального, а не фикционального.

Концептуализируемый феномен может менять свой статус, превращаясь из фактуального в фикциональный и наоборот. Так, в рамках древнегреческой культуры боги Олимпа воспринимались как личности, существующие в действительности. Им приносили жертвы, к ним обращались с просьбами, от них вели родословные, т.е. их концепты относились к области фактуального. Однако для носителя современной культуры имена Зевс, Гермес, Афродита ассоциируются лишь со сферой художественного – памятниками древнегреческой литературы, популярными изложениями мифов, кинофильмами и мультфильмами. Их концепты перешли в сферу фикционального. Пример обратной трансформации дает нам концепт «робот», первоначально возникший как фикциональный,

³¹ Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 254.

а затем – в результате технического прогресса – переосмысленный как фактуальный.

Элемент лингвокультурного концепта, основанный на ассоциативной связи между концептуализируемым феноменом и фрагментом авторского или фольклорного воображаемого мира, мы будем называть фикционалемой (термин образован по аналогии с идеологемой, мифологемой и т.п.). Рассмотрим несколько примеров фикционалем в составе концептов.

При образовании концептов диких животных в сознании современного человека контакты с реальным объектом, как прямые (наблюдение животного в естественных условиях или в зоопарках), так и опосредованные (просмотр документальных фильмов, чтение литературы о дикой природе), уступают по значению информации, получаемой от воображаемых миров фольклорных и авторских сказок. Так, заяц в русских сказках и баснях предстает как слабый и трусливый персонаж, постоянно преследуемый более сильными зверями. В концепте «заяц» ведущими ассоциациями также стали трусость, слабость и роль постоянной жертвы: ср. трусливый как заяц, дрожать как заяц, удирать как заяц и т.п. Фольклорный образ зайца сформировался из непосредственных наблюдений представителей аграрного общества за этим животным. Сказке нужно было олицетворение трусости, заяц же лучше, чем какое-либо иное известное русскому крестьянину животное, подходил на эту роль. Носитель современной урбанистической культуры с реальным зайцем не сталкивается, лингвокультурный концепт складывается в его сознании как осмысление предшествующего (закрепленного в сказке) осмысления. В данный концепт прочно вошло не только общее представление о зайце, предлагаемое фольклором, но целые сюжеты из воображаемого мира сказок. Одним из таких сюжетов является, например, сюжет о лубяной избушке. Цитатное выражение была у зайца избушка лубяная вошло в интразону концепта «несправедливость»:

Лингвокультурный концепт может включать более одной фикционалемы. Так, среди реакций на стимул бессмертие, приведенных в Русском ассоциативном словаре, содержатся три фикциональных элемента: имена Кощей, Дункан

Маклауд и Ларра. Это позволяет констатировать наличие ассоциативных связей между концептом «бессмертие» и воображаемыми мирами русской народной сказки, англо-американского цикла кинофильмов «Горец», рассказа А.М. Горького «Старуха Изергиль».

Фикциональный элемент может входить не только в интразону, но и в квазиинтразону концепта, т.е. основываться не на смысловой ассоциации с воображаемым миром, а на формальном (звуковом) сходстве элемента художественного текста и названия концептуализируемого объекта. Чаще всего квазикультурному ассоциированию подвергаются имена персонажей

Фикционалами, входящими в квазиинтразону концепта, могут стать также цитаты из текстов. Так, Т.В. Ярцева и М.П. Клочковский отмечают существование в немецком языке специфической группы библейских фразеологизмов, основанных на созвучии

Обогащение концепта ассоциациями, основанными на воображаемом мире какого-либо текста, может стать результатом целенаправленных действий социальных институтов. Для этого выбирается некий «обреченный на популярность» текст, а затем в него искусственно внедряется концепт, нуждающийся в пропаганде. Пример подобного искусственного внедрения концепта дает нам история романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия». Произведение было опубликовано в 1945 г. и пользовалось огромной популярностью у читателей. Однако несколько лет спустя, роман подвергся критике «за недостаточное освещение роли партии» и в 1952 г. переписан автором. Во второй редакции романа появились новые персонажи и сюжетные линии, служащие средством актуализации концепта «коммунистическая партия».

1.5 Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок

Описание концептосферы любого языка невозможно без обращения к фольклору, поскольку именно в этом лингвокультурном пласте можно выявить источники и пути становления ментальных характеристик народа. А.Т. Хроленко полагает, «что фольклорные тексты являются тем идеальным полем, на ко-

тором можно разрабатывать эффективную методологию лингвокультуроведения»³².

Народные сказки являются словесным искусством народа, его художественным творчеством, а следовательно, важной частью культуры и истории нации. В процессе вековой передачи из поколения в поколение они приобрели узнаваемые языковые особенности и яркую стилистически маркированную окраску, отражающую национальную специфику. Именно язык как важнейший компонент культуры является средством создания типичных сказочных образов, выражения мировоззрения народа, описания пейзажа и эволюции общества. Народные сказки, в отличие от художественных произведений других жанров, характеризуются использованием живых устных оборотов речи, которые не только раскрывают глубину философии народа, но и доставляют читателям большое эстетическое удовольствие. Они покоряют богатством вымысла, удивительным переплетением фантастического и реального.

Как русские, так и китайские народные сказки имеют большое социально-культурное значение и высокую художественную ценность, служат неиссякаемым источником духовности обеих наций³³.

В словаре Ожегова представлено следующее определение жанра: «сказка – повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил»³⁴. В Словаре литературных терминов указывается, что «сказка – народная (употребляя термин в самом широком значении) – всякий устный рассказ, сообщаемый слушателям в целях занимательности... Один из самых распространенных сказочных видов составляют сказки *чудесные, волшебные, фантастические*»³⁵.

³² Хроленко А.Т. Лингвокультурология. Курск, 2000. С. 82.

³³ Брилёва И.С., Захаренко И.В. Зооморфные образы // Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. М.: Гнозис, 2004. 315 с.

³⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А-Темп», 2006. С. 567.

³⁵ Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского, 1925. С. 413.

В китайском языке термин сказка имеет следующее определение: «сказка является своего рода детской литературой, через богатое воображение, фантазии и преувеличение она создает образ, отражающий жизнь, мысли и характер, чтобы способствовать росту детей, она, как правило, имеет магические сюжетные повороты. Природные объекты часто имеют антропоморфное описание, что позволяет адаптировать их для понимания ребенком».

Исходя из изложенного, можно заключить, что в китайском языке при определении понятия «сказка» акцент делается на том, что данное произведение предназначено для детей и носит поучительный характер, способствует развитию ребенка. В определении русских ученых подчеркивается, что это повествовательное произведение о каких-либо вымышленных, волшебных явлениях. В русских словарях отсутствует привязка «сказки» к возрасту и идентификация ее как сугубо детского произведения.

Ученый А.А. Коршунова провела в китайской аудитории опрос и получила следующие данные:

– во-первых, современные носители китайского языка не различают «миф» и «сказку». В качестве примеров по частотности упоминания лидировали именно мифы;

– во-вторых, несмотря на просьбу называть именно китайские сказки, довольно часто носители китайского языка называли иностранные сказки, в частности сказки братьев Гримм: 白雪公主 (báixuě gōngzhǔ) – Белоснежка, 青蛙王子 (qīngwā wángzǐ) Король-лягушонок; сказки Ганс Христиана Андерсена: 丑小鸭 (chǒu xiǎo yā) – Гадкий утенок, 海的女儿 (hǎi de nǚ'ér) – Русалочка; сказку Шарля Перро: 小红帽 (xiǎo hóngmào) – Красная Шапочка;

– в-третьих, в число наиболее часто упоминаемых сказок вошли две истории, сюжет которых восходит к басням Эзопа: 狼来了 (lái le láng) – Волки пришли и 农夫与蛇 (nóngfū yú shé) – Крестьянин и змея;

– в-четвертых, носителями китайского языка в качестве сказки часто упоминался один из четырех знаменитых классических романов 西游

记 (xīyóujì) – Путешествие на Запад или одна из историй, входящая в этот роман 大闹天宫 (dànaotiāngōng) – Переполох в Небесных чертогах»³⁶.

Из этого можно сделать следующий вывод: сказка и миф в сознании китайского народа отождествляются, это указывает на то, что миф для современного человека не имеет никакого сакрального статуса, а ассоциируется просто как выдуманная фантастическая история наравне со сказками. И сказка, и миф представляются просто волшебными историями.

В данном исследовании мы ориентируемся на классическую точку зрения в отношении сказки, высказанную русским фольклористом Э.В. Померанцевой: сказка – жанр устного народного творчества, «эпическое произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел»³⁷.

За период многовекового существования в сказках выработались и закрепились «ключевые» слова и выражения, выполняющие кумулятивную функцию. Они не только отражают национальные особенности фольклорной традиции, вызывая целый ряд эмоционально-образных ассоциаций, но и отчетливо проявляют свойства, характеризующие этнический менталитет.

1. Традиционные образы в русских и китайских народных сказках

И в русских, и в китайских сказках существуют традиционные образы, выражающие национальную специфику. Стоит только упомянуть слова, обозначающие эти образы, как перед глазами сразу же встают разнообразные живые этнографические картины. Так, в русских сказках часто используются слова, обозначающие нечистую силу (связанные с архаичными мифологическими представлениями): Кощей Бессмертный, Баба-Яга, водяной, русалка, леший, домовый и др. Им противопоставлены образы положительных героев, таких как Иван-царевич, Иванушка-дурачок, Василиса Премудрая, Василиса Прекрасная, Снегурочка, Морозко и др. В борьбе с чудовищами, враждебными человеку, героям помогают различные волшебные существа и предметы, в том числе жи-

³⁶ Коршунова А.А. Феномен сказки в сознании современных носителей китайского языка // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68170> (дата обращения: 03.04.2017).

³⁷ Сказка // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Сов. Энциклопедия, 1987. С. 383.

вотные и растения. В качестве чудесных существ и предметов выступают ковер-самолет, сапоги-скороходы, скатерть-самобранка, топор-саморуб, живая вода, мертвая вода, гусли-самогуды, зеркальце, золотое колечко, гребенка, утка с золотым яйцом, чудесная курица, собака, кошка, волк, сокол, орел, щука и др. Все эти слова и выражения, являющиеся особым языковым материалом, используемым для создания сказок, и символизируют различные волшебные силы, связанные с чудесным воображаемым миром, отражают яркую самобытную культуру России.

В китайских сказках положительные и отрицательные персонажи иные. Представителей нечистой силы, злых духов в китайских сказках просто не счесть. Они являются злыми или от рождения, или по причине тайного побега из небесного дворца в земной мир, или вследствие изгнания Нефритовым императором из небесного дворца в земной мир за нарушение воли и закона неба. Стоит отметить, что грань между добрыми и злыми духами в представлении китайцев не очень четкая: добрые духи живут как на небе, так и на земле; добрые духи, совершившие ошибки, обращаются в злых духов и живут на земле, но в результате работы над собой, самосовершенствования, они снова могут вернуться на небо и стать святыми³⁸.

В русских и китайских сказках появляются похожие по функциям персонажи, но представления о них и оценки их поступков у двух народов могут существенно различаться. Например, русский леший (дух леса) может превращаться в зверя, птицу, жеребца, человека и даже в гриб. Он «водит» путников по лесу, пугает людей хохотом, шумом, бьет в ладоши, уносит из деревни детей – одним словом, делает людям зло; китайский аналог лешего Хуайшуцзин обычно живет в дереве или в лесу, но в случае необходимости он может помочь бедным, обратиться в добродушного старика и принести людям добро, а не зло.

Русский водяной – хозяин водной стихии, повелитель и покровитель рыб – обычно живет в реке или в болоте. Человеку он враждебен: пугает и топит купающихся, разгоняет и выпускает из невода рыбу, разрушает плотины,

³⁸ Кравцова М.Е. История культуры Китая: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Лань, 2003. 416 с.

затягивает в водную глубину свои жертвы. Китайский Лун-ван, живущий в великолепном и сверкающем золотом подводном дворце, фигурирующий в образе человека с головой дракона, является повелителем дождя; он может вызывать бури и ливни, брызгать огнем и водой и может приносить людям как зло, так и добро.

2. Постоянные эпитеты в русских и китайских народных сказках

Языковая материя исключительно важна для постижения национального колорита сказок. В процессе передачи из поколения в поколение русские и китайские сказки приобрели своеобразные постоянные стилистические средства, используемые для придания повествованию выразительности. Наиболее частотным приемом поэтизации сказки является употребление постоянных эпитетов, точнее, сочетаний существительных с постоянными эпитетами. В русских сказках чаще всего встречаются такие эпитеты, как белокаменный (двор), самоцветные (камни), шелковый (ковер), дубовый (стол), спелые (груши, яблоки), цветное (платье), пшеничный (хлеб), высокий (терем), сырая (земля), пуховая (постель), ясный (сокол), дремучие (леса), лазоревые (цветы), быстрая (река), высокая (гора), ясный (месяц), ретивое (сердце) и т. д.

В китайских сказках обычно используются постоянные эпитеты в качестве лексикосинтаксического средства выразительности. Постоянные эпитеты чаще всего представлены единицами, состоящими из трех или четырех иероглифов. Например, девушка – мэй жу тянь сянь (прекрасна настолько, что ни в сказке сказать, ни пером описать), парень – ин цзюнь вэй ву (мужественный и представительный), богатырь – вэй ву бу цюй (не сдавшийся перед насилием и угрозой), любовь – цзянь чжэнь бу юй (безупречно верный в любви), мачеха – хэнь жу ду се (злобствующая, как скорпион), супруги – энэ энэ ай ай (любящие и привязанные друг к другу), жизнь – син фу мэй мань (счастливая и довольная), толпа – хэй я я (многочисленный, тьма народу), волосы – хэй йоу йоу (очень черные, волосы цвета воронова крыла), снег – бай ман ман (снежная пелена), чумиза – хуан цань цань (золотистая), посева – люй жун жун (зеленые и

густые), сад – люй инь жу гай (тенистый), дворец – цзинь би хуй хуан (великолепный и сверкающий золотом) и т.д.

В число постоянных эпитетов входят так называемые парные слова и парные словосочетания, которые встречаются только в русских сказках. Они являются разновидностью повтора, синонимической или разнокорневой тавтологией. Например: венчаться-обвенчаться, жить-поживать, калина-малина, часы-минуты, усы-борода, грудь-сердце, гуси-лебеди, чай-мед, золото-серебро, пиво-вино, лук-чеснок, коромысла-ведра, горы-долы, сад-огород, грибы-ягоды, двери-окна, краше красного солнца, кручина кручин-ская, чудо чудное и др. В этом случае повтор насыщен экспрессивностью, подчеркивает продолжительность действия, интенсивность качества, множество вещей. Такие парные сочетания имеют особый национальный русский колорит.

Подобные поэтические средства, имеющие национальную специфику, встречаются и в китайских сказках. Китайцы любят в своих высказываниях олицетворять реалии, например, сравнивают ву (туман) с тоской; юй (дождь) – со слезами; сун бо (сосну) – с вечной молодостью или долголетием; вуя, баофэн (черного ворона, ураган) – с дьяволом; лайхама (жабу) – с уродливым, жадным и женолюбивым человеком; тянье, байхэхуа, цзиньюй, муданьхуа (лебедь, лилию, золотую рыбку, пион) – с красивой, доброй и остроумной девушкой; юаньян (уток-мандаринок) и шуанхэлянь (цветок лотоса) – с нежными, дружными и счастливыми супругами и т.д.

Помимо этого, китайцы – мастера выражать свои оценки с помощью такого стилистического средства, как паронимы, например, бяньфу (летучая мышь) созвучно со словом «счастье», и на этой основе возникает символика «счастье»; лянхуа (лотос) – с любовными отношениями – «любовь»; лянцзы (зерна лотоса) – с рождением детей – «многодетность», хуашэн (земляные орехи) – с рождением детей обоего пола – «и мальчики, и девочки в семье» и др.

Иногда и в русских, и в китайских сказках используется один и тот же поэтический образ, наделенный, однако, различными национальными смыслами.

Например, сорока в русском представлении – болтушка или воровка, а в китайском - вестник радости и праздника.

3. Традиционные сказочные обороты (формулы зачина и концовки) в русских и китайских народных сказках.

В сказках утвердилась особая культура устной речи с ее ритмическими, рифмованными благозвучными выражениями, используемыми в присказках, присловьях, прибаутках, уподоблениях, крылатых выражениях. В устойчивых формулах, стереотипных оборотах кроется особая выразительность и привлекательность сказок. Достаточно произнести некую формулу, как каждый русский или китаец вспомнит какую-либо сказку.

Формулы зачина и концовки, традиционные сказочные обороты занимают важнейшее место в композиции сказок, являются их своеобразной увертюрой. Сказочный зачин настраивает слушателей или читателей на сказочный лад, берет в плен их воображение, отрывает от обыденной обстановки, переносит в волшебный мир, а концовка возвращает читателя (слушателя) к действительности, к реальной жизни. В русских и китайских сказках обычным местом действия является незнакомый царский дворец, затем действие переносится уже в фантастический мир – за моря и океаны, в страшное подземелье и т. п. Сказочное время хотя и относится к прошлому, но не несет в себе ни малейшего намека на определенную локализацию в историческом прошлом.

Примечательно, что некоторые основные лейтмотивы формул зачина и концовки в сказках двух национальных культур весьма похожи. Так, например, русские сказки могут начинаться непосредственно с экспозиции, чаще всего с формул типа: Жили-были...; При царе Горохе...; За тридевять земель...; В тридевяти царстве, в тридесятом государстве...; В некотором царстве, в некотором государстве...; У черта на куличках. – и кончатся описанием дальнейшей судьбы героев: Стали жить да поживать, да приплода поджидать; Стали жить-поживать – добра наживать; Устроили пир на весь мир, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало; И сейчас живут – хлеб жуют; Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец; Тут и сказке конец, сказал ее молодец, а

нам, молодцам, по стаканчику пивца, за окончание сказки – по рюмочке винца и т. д.

В китайских сказках используются похожие формулы зачина: Хэнь цзю хэнь цзю и цянь... (Давным-давно...); Хэнь цзао хэнь цзао и цянь... (В очень далеком прошлом.); Гу ши хоу... (В глубокой древности.); Цун цянь йоу... (Жили и были.); Хэнь гу хэнь гу дэ ши хоу... (В стародавние времена.); Цзай хэнь гу хэнь гу дэ ди фан... (В тридевятое царство и тридесятое государство.). Встречаются и такие формулы концовки: Цун цы, та мэнь гуо шан ла синь фу дэ шэн хуо, сян цин сян ай, бай тоу се лао (С тех пор они жили счастливой жизнью, душа в душу, во взаимном уважении, до глубокой старости); Цун цы, гуо цзя да чжи, жэнь цзянь тянь пин (С тех пор управляли страной и заботились о жизни народа, начался длинный период мира и процветания); Цун цы и хоу, фу ци лян жэнь хэ му сян чу, жи цзы гуо дэ фэй чан мэй мань син фу (С тех пор супруги жили счастливо и дружно, жизнь стала еще более прекрасной) и др. Естественно, что вышеупомянутые формулы являются типичными формулами времени и пространства, закрепленными в текстах сказок. Они стали использоваться как формулы зачина или концовки еще и потому, что они ритмичны, мелодичны, а значит, и более экспрессивны, чем простые высказывания. Но сопоставительный анализ традиционных формул зачина или концовки показывает, что представления о времени и пространстве в русской и китайской картинах мира различны³⁹. Для русских пространство предшествует времени, время же является «микрореальным»; для китайцев время предшествует пространству, т.е. время является «макродлинным», поэтому и супружеская жизнь протекает обязательно до глубокой старости, период мира и процветания страны также обязательно оказывается длинным.

Таким образом, язык народных сказок – это великий язык, который прост и богат, всеобъемлющ и многозначен, он помогает проникнуть в духовный мир каждого народа. Изучение стереотипных языковых единиц, традиционно ис-

³⁹ Дун Гуаньцзе. Очарование и магия китайской и западной культуры. Пекин, 1999. С. 92.

пользуемых в сказках, важно для постижения языковой картины мира народа, в том числе и русского, и китайского.

Итак, в конце XX века в рамках лингвистики произошло становление нового научного направления – лингвокультурная концептология. Предпосылками ее развития явились следующие факторы: изменение языкового системцентризма антропоцентризмом, связанная с этим междисциплинарность в лингвистике, общий «культурный поворот» в методологии гуманитарных наук, торжество тезиса абсолютного постоянства психической природы человека во времени и пространстве. В отличие от общего языкознания, объектом которого является дихотомия «язык – культура», полевое исследование лингвокультурной концептологии формируется трихотомией «язык – сознание – культура». Лингвокультурная концептология не является прямой преемницей хронологически предшествующих концептологических направлений, но аккумулирует и согласовывает между собой основные моменты. Лингвокультурная концептология находится в отношениях взаимодополнительности с параллельно развивающейся когнитивной концептологией.

К базовым характеристикам лингвокультурного концепта относятся комплексность бытования в языке, сознании и культуре, ментальная природа, ограниченность сознанием носителя, ценностность, условность и нечеткость, когнитивно-обобщающая направленность, полиапеллируемость, изменчивость, трехуровневое лингвистическое воплощение, включающее уровни системного потенциала, субъектного потенциала и текстовой реализации.

Описание концептосферы любого языка невозможно без обращения к фольклору, поскольку именно в этом лингвокультурном пласте можно выявить источники и пути становления ментальных характеристик народа. Одним из жанров, помогающим проникнуть в духовный мир каждого народа, является сказка. Изучение стереотипных языковых единиц, традиционно используемых в сказках, важно для постижения языковой картины мира народа, в том числе и русского, и китайского.

2 ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

2.1 Концепты «добро/зло» в русских и китайских народных сказках

Как правило, мир сказки описан с помощью бинарных оппозиций. В этом противопоставлении кроются интересующие нас типичные для общества культурные концепты.

Рассмотрим концептуальную пару «добро/зло» в русских и китайских волшебных сказках. В русском языке основным средством выражения концепта «добро» является лексема добро, а концепта «зло» - эквивалентная лексема зло.

Для начала сопоставим этимон слова и его современное значение. Этимология слова важна тем, что позволяет судить об архаических представлениях. Изменение значения слова свидетельствует об изменении содержания концепта и, следовательно, об изменении представлений народа.

В «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского добро и зло представлены в следующих словарных статьях: «Добро – 1. Благо. 2. Доброта 3. Имение. Добро – Хорошо», «Зло – 1. Противоположное добру. 2. Беда. 3. Грех»⁴⁰. На первое место в толковании значения выдвигается соотнесенность компонентов бинарной оппозиции. В.И. Даль в качестве первичного указывает иное, материальное значение слова «добро»: «Добро – ср. вещественно, все доброе, ср. имущество или достаток, стяжание, добришко, особ. подвижность»⁴¹. Он определяет значение через ряд синонимов и указание на противоположные понятия «зло», «худо»: «Зло – 1. Худое, лихое, худо, лихо. 2. Противоположное добру»⁴².

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова отражены следующие значения: «Добро – 1. Положительное начало в нравственности; противоп. зло. 2. То, что хорошо, полезно, приятно. 3. Доброе дело, доб-

⁴⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij> (дата обращения: 14.05.2017).

⁴¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1995. С. 80.

⁴² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1995. С. 109.

рые поступки. 4. Личное имущество, пожитки»⁴³. Зло рассматривается как «1. Дурное, греховное, вредное (противоп. добро). 2. Беда, напасть, несчастье (устар.). 3. Злость, злое чувство, досада»⁴⁴. В словаре С.И. Ожегова добро – «нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу; добрый поступок»⁴⁵. Также «добро – в широком смысле слова как благо означает ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт»⁴⁶. Таким образом, в первом значении обоих лексем в современном русском языке акцент сместился: на первое место ставится компонент, указывающий на нравственный аспект.

Анализ словарных дефиниций лексемы «добро» позволяет говорить о двух ипостасях содержательной структуры концепта: нравственной и материальной. Самым общим является компонент «положительное, хорошее, нравственное (противоположное злу)», который может быть конкретизирован смыслами: 1) благо; 2) благополучие; 3) доброта, 4) честность; 5) польза; 6) счастье; 7) удача; 8) успех; 9) долг; 10) хорошее дело, поступок; 11) доброе отношение; 12) имущество; 13) достаток; 14) знак согласия.

Уже одно перечисление говорит о неоднородности понятия добра; оно обозначает внутреннее качество человека (доброта), характеризует этические ценности (честность, долг), действия (хорошее дело, поступок), чувствовое состояние (счастье, благополучие, благо), отношение (знак согласия), результаты (приятное, удача, успех, польза), достаток. В ряде представленных дефиниций подчеркивается компонент значения, который указывает на правильное поведение.

Зло – «ценностное представление, противоположное добру (благу), универсалия культуры, основополагающая для морали и этики. Оно охватывает не-

⁴³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru> (дата обращения: 18.05.2017).

⁴⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru> (дата обращения: 18.05.2017).

⁴⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. С. 137.

⁴⁶ Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 675.

гативные состояния человека и силы, вызывающие эти состояния»⁴⁷. Это «худое, лихое, худо, лихо; противополож. добро. Духовное начало двояко: умственное и нравственное; первое относится к истине, а противоположное – ко лжи; второе к добру (благу) и к худу, злу. Всякое зло противно божескому порядку. В отвлеченном виде зло олицетворяется духом тьмы»⁴⁸.

Исходя из анализа словарных дефиниций лексемы «зло» выделим общий компонент концепта: «все дурное, плохое, безнравственное (противоположное добру)», который может быть конкретизирован с помощью следующих частных компонентов: 1) вред; 2) беда; 3) несчастье; 4) напасть; 5) неприятность; 6) злое чувство - гнев, досада; 7) грех; 8) месть; 9) обида; 10) вина; 11) лукавство.

Добро и зло – фундаментальные понятия этики. Через них проявляет себя первый, базисный и универсальный уровень этической сферы, которая является неотъемлемой частью жизнедеятельности человека, которая регламентирует весь жизненный уклад: работу, отношения между мужчиной и женщиной, членами семьи, пространственные, речевые и т.д. Все иные этические представления связаны с данными понятиями. В конце концов, «добро» означает все хорошее, а «зло» – все плохое, деля картину мира пополам.

Для нашего исследования представляется важной мысль В.Л. Проппа о наличии в сказке действий и качеств, имеющих значение для развития сюжета и составляющих стабильно повторяющиеся элементы сказки. Большое количество действий и качеств расположено попарно: запрет – нарушение, борьба – победа, преследование – спасение, обида – помощь, ум (хитрость) – глупость и др. Другие действия и качества могут образовывать группы, например, вредительство, единоподушие, решение противодействовать⁴⁹. Как видим, любая последовательность действий связана с противоборством добра и зла и, как правило, заканчивается ситуацией, где добро побеждает «зло». По замечанию Б.П. Кер-

⁴⁷ Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 47.

⁴⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. Т. 1. С. 683.

⁴⁹ Пропп В.Л. Русская сказка. Л.: Изд. ЛГУ, 1984. 333 с.

белите, эти функции присущи сказке о животных, но характерны также и для волшебной сказки, и бытовой сказки⁵⁰.

В исследовании Е.И. Лутовиновой говорится о возможности выделения в развитии сказки трех ее типов (стадий), в которых отражен нравственный идеал народа, в том числе и концепты «добро» и «зло». Она отмечает, что в первом типе, «архаическом», к которому относятся в том числе сказки о животных, доминирующим признаком героя является не сила, не кротость и трудолюбие, а храбрость, бесстрашие и хитрость. Сказка наделяет героя в первую очередь теми качествами, которые необходимы ему в борьбе с внешним врагом из иного мира (в борьбе с природой). Все, что способствует выживанию героя, даже его хитрость, считается нравственным. Во втором типе, сложившемся в период героического эпоса, главный герой – богатырь, защищающий свою землю, непримиримый ко злу и его носителям. Нравственный идеал связан с образом воина-победителя. В третьем типе в этическом идеале происходит смещение моральных акцентов на человеческую доброту. В иерархии моральных ценностей все большее место занимают доброта, трудолюбие, скромность, честность. Тип героя этих сказок можно назвать «созидающим». Таким образом, «эволюция морально-психологических качеств сказочного героя отражает эволюцию ценностных ориентиров всего человеческого коллектива»⁵¹.

Занимая важное место в фольклорной, в частности, сказочной картине мире, концепты «добро» и «зло» могут быть исследованы на материале русских народных сказок. Положительные качества героев, отражающие концепт «добро», больше всего проявляются в следующих положительных качествах героев сказочных текстов.

1) Хитрость, направленная против злой силы.

Например, в сказке «Овца, лиса и волк» волк является олицетворением зла. У крестьянина из гурта бежала овца. Навстречу ей попались лиса и волк, все они рассказали про свое горе. Сначала они пошли по дороге дружно, но по-

⁵⁰ Кербелите Б.П. Методика описания структуры и смысла сказок и некоторые ее возможности // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М.: Наука, 1980. С. 48–100.

⁵¹ Лутовинова Е.И. Традиционная русская культура в системе подготовки специалистов. Учебное пособие. М.: Издательство: МПСУ, 2014 С. 25–34.

том волк задумал недоброе и говорит овце, что на ней его тулуп. Тут лиса заметила, что мужики на тропинке поставили капкан; она привела волка к самому капкану и говорит: «Ну, вот здесь целуй!» Сунулся волк – капкан щелкнул и ухватил его за морду. Лиса с овцой тотчас убежали от него подобрูปоздорову⁵². Мы видим, что хитрость лисы помогла выжить и сразиться с глупым и злым волком, поэтому она получает положительную оценку и ее поступок считается «добром». В сказке «Лихо одноглазое» хитрый кузнец предложил Лихо выковать глаз, ослепил ее, выбрался из избы, завернувшись в овечью шкуру, и так остался жив.

2) Ум.

В сказке «Лиса и журавль» журавль обладает умом. Сначала лиса с журавлем подружилась. Однажды лиса задумала угостить журавля, наварила манной каши и размазала по тарелке, журавль ничего не мог съесть, а лиса сама всю кашу скушала. Журавль был очень умным, он не подал виду, а пригласил лису к себе в гости. На другой день журавль приготовил окрошку, положил в кувшин с узким горлом, поставил на стол и сказал: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать»⁵³. Итог встречи лисы и журавля известен: лисе не удалось попробовать окрошки. В этой сказке журавль наказывает жадную лису, демонстрируя ум и смекалку.

3) Храбрость.

В сказке «Лиса, заяц и петух» петух наделен храбростью. У лисицы была «избенка ледяная, а у зайчика лубяная»; пришла весна красна – у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, потом его выгнала. Встретил заяц собаку, медведя и быка, они хотели помочь, но испугались угроз лисы («Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!»⁵⁴). В конце концов, зайчик встретил петуха. Только петух оказался храбрым и не боялся лисы, он три раза крикнул лисе: «Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!». Лиса услышала, испугалась и вы-

⁵² Овца, лиса и волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lukoshko.net/story/ovca-lisa-i-volk.htm>. 14.05.2016.

⁵³ Лиса и журавль [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lukoshko.net/story/lisa-i-zhuravl.htm>. 14.05.2016.

⁵⁴ Лиса, заяц и петух [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lukoshko.net/story/lisa-zayac-i-petuh.htm>. 14.05.2016.

бежала, а петух ее зарубил косою и стал с зайчиком «жить да поживать да добра наживать». Храбростью отличаются герои Илья Муромец, Иван-Царевич.

Таким образом, в представлении русских за «добро» нужно бороться и для этого нужна смелость. В сказках с помощью ума, хитрости и храбрости героям удается наказывать злых персонажей. Это отвечает стремлениям и вере русского народа: добро сильнее зла.

В русских народных сказочных текстах компоненты концепта «зло» проявляются в отрицательных качествах героев:

1) Жестокость.

В отличие от хитрости, которая может приносить как пользу, так и вред, жестокость всегда оценивается в сказках отрицательно. В сказке «Свинья и волк» видна жестокость волка. У одиноких старика и старухи не было детей, была только одна свинья. Свинья повадилась ходить со двора в задние ворота. Прибежал туда волк, «схватил он свинку за щетинки, уволок ее за тынинки и изорвал»⁵⁵. В другом варианте сказки свинья взмолилась, чтобы волк не ел ее, но волк сказал: «Не хочу мяса иного, хочу мяса свиного» и «понес волк свинку за пень, за колоду, за белую березу, стал свиные косточки глодать, свиных родителей поминать»⁵⁶. Жестокость прежде всего выражается в убийстве невинных людей и часто – поедании их («Лихо одноглазое», «Ивашко и ведьма»), «иссушении» («Илья Муромец и змей»).

2) Жадность.

Жадность является одним из основных качеств, присущих отрицательному герою-волку. Его жадность часто обсуждается в сказках, из которых самая типичная – «Волк», в ней волк требовал от старика весь его скот по одному, пока не съел всех, кроме старика. В сказке «Жадная старуха» старуха заставляла мужа просить у волшебного дерева лучшей жизни, от хорошей избы до царского трона, но за требование сделать их богами старики были превращены в медведей.

⁵⁵ Свинья и волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hobbitaniya.ru/afanasyev/afanasyev25.php>. 17.05.2017.

⁵⁶ Свинья и волк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hobbitaniya.ru/afanasyev/afanasyev25.php>. 17.05.2017.

Заметим, что жадность имеет яркое проявление в поведении отрицательного персонажа и обычно из-за жадности он заслуживает наказание. Поэтому в русских народных сказках «жадность» является компонентом концепта «зло».

3) Глупость.

Воплощением глупости в русских народных сказках нередко является волк. Его глупость – глупость жестокого и жадного животного, поэтому глупость относится к концепту «зло» и связана с другими отрицательными качествами, например, скупостью, завистью, кровожадностью. В сказке «Волк-дурень» глупость волка выражается в том, что он откормил пса, чтобы тот стал пожирнее, чтобы съесть его, а пес набрал силу и дал отпор. Затем волк поверил козлу, что тот сам запрыгнет к нему в горло, и получил по лбу. В следующий раз его обвела вокруг пальца свинья. В конце концов, волк и погиб от своей глупости, которая заключается не столько в простодушии и доверчивости, сколько в стремлении выгадать, пойти легким путем, поживиться задаром. В сказке «Ивашко и ведьма» глупая ведьмина дочь показала мальчику, как правильно садиться на лопату и была зажарена в печи.

Анализ употреблений слова «добро» в текстах русских народных сказок показал, что оно функционирует в двух словарных значениях: «положительное нравственное качество» и «личное имущество, пожитки».

Слова «добро» употребляется в двух указанных значениях в бытовых, волшебных сказках и в сказках о животных, но чаще встречается в волшебных.

Концепт «добро» репрезентируется в русских волшебных сказках через образы добрых людей («добрый молодец» – солдат из сказки «Заколдованная королева» и Иван-царевич из «Сказки о молодильных яблоках и живой воде»; «добрый конь» – из сказки «Кощей Бессмертный» и «Сказки о молодильных яблоках и живой воде»; «милый человек» – Иван-царевич из «Сказки о молодильных яблоках и живой воде»; «человек хороший» – купец из сказки «Василиса Прекрасная»). Эти герои – носители положительных нравственных качеств: они либо испытали горе, несчастье, но не озлобились на мир, либо стремятся помочь отцу – старику.

Как и во всех жанрах фольклора, в русских народных сказках концепт «добро» репрезентируется через лексемно-понятия: «вежливость» («Сказка о молодильных яблоках и живой воде»); «благодарность» («Баба-яга»); «благословение» («Кощей Бессмертный»), «доброе» («Заколдованная королева»).

Концептуальное поле «добра» в русских сказках репрезентируется противопоставлением (добрых поступков – злым: «Будет там березка тебя в глаза стягать – ты ее ленточкой перевяжи; будут там ворота тебе скрипеть и хлопать – ты подлей им под пяточки маслица. Будут там тебя собаки рвать – ты им хлебца брось. Будет тебе кот глаза драть – ты ему ветчинки дай» // «Баба-яга»). Совет доброго человека приводит к успехам, совет злого – к несчастьям.

Слово «зло» в текстах русских народных сказок функционирует в трех словарных значениях: 1) «дурное, греховное, вредное» и 2) «беда, напасть, несчастье» и 3) «злое чувство, досада».

Концепт «зло» в русских волшебных сказках репрезентируется через лексемно-образы определенных героев: «злая ведьма» («Белая уточка»), «злая мачеха» («Василиса Прекрасная»), «сестры-завистницы, лиходейки – сестры» («Серебряное блюдечко и наливное яблочко»). Таким образом, зло персонифицировано.

Концепт «зло» репрезентируется через понятия: 1) «проклятие» («слово нехорошее») – «Рассердилась королева и в сердцах проклятие промолвила»; 2) «худое» («Видно, с мужем что-то худое приключилось») // («Заколдованная королева»); 3) «коварство» («Кощей Бессмертный»).

Зачины и концовки в некоторых случаях противопоставляются друг другу. В конце сказки злые существа подвергаются казни, то есть добро побеждает зло: «А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга; где рука – там грабли; где голова – там куст да колода. Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти» («Белая уточка»).

В русских народных волшебных сказках нередко употребляются пословицы и поговорки, которые активно участвуют в актуализации концептуально-

го поля «добро» и «зло»: «Сколько лет на свете живешь, все зубы повывались, а доброго ничего не знаешь», «... а королева стала со своим мужем жить-поживать да добра наживать» («Заколдованная королева»), «... и стали все жить-поживать, добра наживать, худо забывать» («Белая уточка»).

В китайском языке добро обозначается иероглифом 善 shàn. В официальном словаре Минобразования Тайваня - одном из лучших толковых словарей китайского языка приведены следующие значения данного иероглифа: 1) Хорошее дело. 2) Добродетельный, хороший человек. гл. 1) Быть хорошим, дружелюбным, водить дружбу. 2) Любить, питать симпатию, иметь влечение. 3) Быть сострадательным, жалеть других. прил. 1) Хороший. 2) Знакомый⁵⁷. Этимология слова состоит из двух частей: «слова, речи» 言 и «баран» 羊 и означает «говорить много и делать приношение (барана)»⁵⁸ или «слова, нежные (дружелюбные) как овца»⁵⁹. Таким образом, основные компоненты 善 – это «поступок», «внутреннее качество», «дружба» и «отношение к другим».

Что касается иероглифа «зло» 惡 è, его значения в словаре Xinhua следующие: 1) Зло, злое дело. 2) Порок, недостаток; болезнь. 3) Ошибка; беда. 4) Преступление, преступник. 5) Грязь; нечистоты. гл. Порицать, считать (выставлять) плохим. прил. 1) Плохой; бедный, скудный. 2) Некрасивый. 3) Жестокий. Тем же иероглифом обозначается слово wù «ненависть, вражда», у которого много глагольных значений – «ненавидеть», «вызывать гнев», «ссориться», «бояться», «стыдиться»⁶⁰. Этимологически состоит из двух ключей: сердце 心 и фонетик 兀 兀⁶¹. В китайском языке «все иероглифы, обозначающие эмоции, чувства, ощущения и нравственные свойства, в том числе умственные состояния и умственную деятельность, содержат детерминатив «сердце» в разных на-

⁵⁷ dict.revised.moe.edu [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.revised.moe.edu.tw/cgi-bin/cbdict/gswweb.cgi?ccd=h9QrWl&o=e0&sec=sec1&op=v&view=0-1>. 17.05.2017.

⁵⁸ chineseetymology.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chineseetymology.org/CharacterEtymology.aspx?submitButton1=Etymology&characterInput=%E5%96%84>

⁵⁹ zhongwen.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zhongwen.com/d/181/x189.htm>. 17.05.2017.

⁶⁰ xh.5156edu.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xh.5156edu.com/html3/13662.html>. 17.05.2017.

⁶¹ chineseetymology.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://chineseetymology.org/CharacterEtymology.aspx?submitButton1=Etymology&characterInput=%E6%81%B6>. 17.05.2017.

писаниях»⁶². Итак, можно выделить следующие компоненты зла 惡 – «чувство», «поступок», «болезнь, нечистота», «ошибка», «отношение» и «недостаток».

Таким образом, для китайца добро – это прежде всего отношения – и с другими людьми, и к другим людям – то, как он относится и как к нему относятся. Выражается добро в правильных поступках и дружелюбных вежливых словах. Зло для китайца – это чувство ненависти в сердце, которое выражается в жестоких поступках по отношению к другим людям и ведет к беде. В китайском языке отражена взаимосвязь тела и души, эмоций и физического здоровья, гораздо более тесная, чем в русской ментальности.

Концепты «добро» и «зло» больше всего проявлены в следующих положительных и отрицательных качествах героев китайских сказочных текстов.

1) Трудлюбие vs. лень.

В китайских сказках положительные герои – сплошь простые люди – крестьяне, пастухи, дровосеки. Бедность доброго персонажа подчеркнута – это простая еда (кукурузные лепешки и вода), нет денег, чтобы жениться (сказки «Богиня печи», «Благодарная тигрица»). Вся жизнь его проходит в труде: герой целыми днями работает в поле, пасет скот и т.д.

Отрицательные герои – лентяи, любят красивые одежды, вкусно поесть. Это старшие братья, князья и правители, богачи. Они любят деньги больше всего на свете: например, старший брат не дожидается, когда отец умрет, чтобы получить наследство, он обманывает младшего, чтобы не делиться с ним («Волшебная тыква», «Гора Солнца»).

Итак, хороший человек должен прежде всего трудиться, счастье нужно и можно заработать. Беда ждет того, кто живет за счет других, а сам ничего не умеет. Думать, что все придет к тебе просто так, без труда – удел дураков. В сказке «Глупый муж» главный герой (муж) ничего не умел, не понимал, что и как делается, за что был постоянно бит. Его глупость состоит в том, что не мо-

⁶² Рубец М.В. Восприятие тела в китайской традиции // Телесность как эпистемологический феномен / отв. ред. И.А. Бескова. М.: ИФРАН, 2009. С. 147–161.

жет ни сходить на базар, ни принести станок, ни потушить пожар, ни помочь другим.

2) Бедность и скромность vs. богатство и жадность.

Добрый герой скромнен и не просит лишнего у судьбы. Например, младший брат нашел волшебную тыкву, исполняющую все желания, и первым делом попросил мотыгу, чтобы обработать поле, затем самой простой еды, затем шалаш из веток переночевать («Волшебная тыква»). Его старший брат, уже промотавший наследство, попросил золотых и серебряных слитков и был наказан духом за жадность и лень.

Другой пример – сказка «Гора Солнца». Добрый герой разбогател благодаря волшебному помощнику, собрав сокровища в маленький мешочек. Его завистливый брат взял слишком большой мешок, он не смог остановиться в своей жадности и был сожжен солнцем. В конце истории говорится, что солнце не обидит бедняка, а согреет, а жадного богача сожжет.

Мы видим, что в китайской картине мира каждый должен знать свое место, быть скромным и не просить у судьбы слишком многого, довольствоваться тем, что есть. Бедного, но доброго и неунывающего героя любят соседи и боги, а ослепленного жадностью злого богача ждут смерть и несчастья.

3) Эгоизм vs. самопожертвование.

Отрицательные персонажи идут против своей семьи и народа. Например, старший брат обманул младшего из-за наследства. В ответ добрый герой все равно пытался помочь брату, он был жалостлив и не помнил зла. Мудрость китайских сказок гласит, что родственники должны помогать друг другу, чтобы не случилось. Пример такой помощи представлен в сказке о братьях Лю. Пятеро братьев, похожих друг на друга и обладающих разными магическими талантами, подменяли друг друга в тюрьме, шли друг за друга на казнь и таким образом победили злого правителя, чему был рад весь народ.

В сказке «Богиня печи» молодая девушка жертвует жизнью ради народа и своего отца. Ее любовь к другим настолько сильна, что превращается в волшебную силу, способную победить любое зло, даже огромного чудовищного

быка, уничтожавшего посеvy. В противоположность ей начальник уезда думал не о народе, а о деньгах и почестях, за что был в конце ослеплен, а девушке посвятили храм и почитают как богиню до сих пор.

В самопожертвовании отдельного индивидуума с точки зрения китайской картины мира кроется секрет выживания всего коллектива, поэтому оно так важно. Тот, кто пожертвовал своими интересами ради других, возносится до уровня волшебника-святого, а эгоист заслуживает лишь всеобщей ненависти и презрения.

Таким образом, в китайской картине мира злой человек – это тот, кто ради титула и денег готов забыть о нуждах родных и народа, кто ставит деньги и свое благополучие выше других. Концепт «зло» тесно связан с такими понятиями, как «лень», «эгоизм», «глупость», «жадность», а концепт «добро» – с «трудолюбием», «скромностью» и «заботой о других». Доброго человека ждет награда и благополучная жизнь, а злого – наказание.

Основными компонентами понятия «добро» в китайских сказках выступают:

1) «хороший поступок» («Давай лучше я тебе хворост помогу рубить» // «Женщина-лисица»);

2) «внутреннее качество человека» («Бедным был кузнец, но добрым» // «Богиня печи»; «...надо быть благодарным всем, кто делает тебе добро, даже и маленькой птичке» // «Гун Ечан»);

3) «дружба», данный компонент довольно часто находит свое отражение в сказках о животных («...стали они закадычными подругами. ... – Пойдем ко мне, я угощу тебя на славу!» // «Как горная и городская мышь друг к дружке в гости ходили»); «Были они неразлучными друзьями. Не увидятся день, другой – печалются, трех дней не пройдет – бегут навестить друг дружку» // «Про сосну, черепаху и тигра»);

4) «доброе отношение к другим», этот компонент проявляется в бытовых сказках («В жизни этой женщине пришлось хлебнуть немало горя, но она сохранила свою доброту, несмотря на все невзгоды, и сейчас старалась, как могла,

скрасить жизнь окружающим» сказка «Сказка о чае»). Для китайца добро – это прежде всего отношения с другими людьми, к другим людям – это то, как он относится и как к нему относятся.

В китайских сказках концепт «добро» репрезентируется через лексемы-понятия: «трудолюбие» («Сказка про младшего брата»), самопожертвование (сказка «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай, или птички-неразлучницы»), «бедность и скромность» (сказка «Благодарная тигрица»).

Концептуальное поле «добро» в китайских сказках репрезентируется противопоставлением: скупости и щедрости, жадности и доброты («Волшебная тыква»).

Зло для китайца – это чувство ненависти в сердце, которое выражается в жестоких поступках по отношению к другим людям и ведет к беде.

Основными компонентами понятия «зло» в китайских сказках являются:

1) «чувство злости, ненависти» («Услышав это, сорока от гнева слова не смогла вымолвить» «– Ах, она негодная, нахалка, – возмутилась ворона» // «Про летучую мышшь»);

2) «злой поступок» («Когда все птицы узнали, что летучая мышшь — лгунья, никто не захотел больше дружить с ней» // «Про летучую мышшь»; сосна поссорила черепаху и тигра, что они убили друг друга, а ее саму вследствие этого срубили // «Про сосну, черепаху и тигра»);

3) «ошибка» («И тут только Гун Ечан вспомнил, что он не исполнил просьбы птички, <...> это месть птички за его неблагодарность» // «Гун Ечан»)

4) «отрицательное отношение» («Увидел старец — зять живой вернулся и барабан принес, еще больше обозлился...» // «Небесный барабан»; «А я при чём? О чужих делах даже небо не заботится! Это не моё дело» // «Не мое дело»)

В китайских народных сказках концепт «зло» репрезентируется через лексемы-образы определенных сказочных героев: «невестка злая да вредная» («Сказка про младшего брата»), «лисица-негодница» («Как проучили лисицу»), лиса-воровка («Лиса и курятина»), «страшный тигр», «глупый тигр» («Тигр и лиса»).

Концепт «зло» в китайских народных сказках репрезентируется через лексемно-понятия: «лень» («Волшебная тыква»), «жадность» («Жадный помещик», «Гора солнца»), «эгоизм» («Богиня печи», «Лиса и курица»), «глупость» («Глупый муж», «Не мое дело»).

В китайских сказках, как и в русских, нередко употребляются пословицы и поговорки, которые помогают актуализировать концептуальное поле «добро» и «зло»: «Знай, что за зло тебе злом и заплатят», «Об опасности и во сне не забывай», «Удаче радуйся в меру, а то можно и оступиться» («Как проучили лисицу»); «Не шутки у тебя, а зло одно» («Женщина-лисица»).

Исходя из проведенного анализа, мы можем сделать вывод, что концепты «добро» и «зло» наиболее часто находят свое отражение в китайских народных сказках о животных и бытовых сказках.

В китайских сказках положительные и отрицательные персонажи иные. Представителей нечистой силы, злых духов в китайских сказках просто не счесть. Они являются злыми или от рождения, или по причине тайного побега из небесного дворца в земной мир, или вследствие изгнания Нефритовым императором из небесного дворца в земной мир за нарушение воли и закона неба. Стоит отметить, что грань между добрыми и злыми духами в представлении китайцев не очень четкая: добрые духи живут как на небе, так и на земле; добрые духи, совершившие ошибки, обращаются в злых духов и живут на земле, но в результате работы над собой, самосовершенствования, они снова могут вернуться на небо и стать святыми.

2.2 Концепт «красота» в русских и китайских народных сказках

Красота – это эстетическая категория, значащая совершенство пропорций, гармонию сочетания аспектов объекта, вызывающие эстетическое удовольствие. Это одна из важнейших категорий культуры.

Рассмотрим эволюцию концепта «красота» в русской картине мира на материале лексикографических источников. В толковом словаре В.И. Даля красота описывается как «1. Свойство прекрасного, отвлеченное понятие красивого, изящества. Соединение истины и добра рождает премудрость, во образе красо-

ты. 2. Красивый, красный или прекрасный, одаренный красотой, нравный чувству изящного»⁶³. В Толковом словаре Д.Н. Ушакова понятие красоты толкуется более широко, добавлено четыре значения по сравнению со словарем Даля В.И.: «1. Красивые места. То, что производит художественное впечатление. 2. Красивая, привлекательная наружность. 3. Красавица (устар.). 4. Очень красиво, хорошо, ловко (часто ирон.)»⁶⁴. Заметно изменение эмоционально-стилистической окраски значения слова: появился просторечный, разговорный, иногда ироничный характер употребления. Итак, концепт «красота» состоит из следующих семантических компонентов: свойство объекта; качество, приносящее удовольствие и радость; положительные чувства. Будучи абстрактным понятием, красота всегда привязана к объекту, который мы воспринимаем и которому даем эстетическую оценку.

В современном китайском толковом словаре дается пять значений иероглифа «красота» 美: “1. Красивый, хорошо выглядящий. 2. Относящийся к хорошим делам, к морали. 3. Вызывать чувство удовольствия, приятные ощущения». Значение иероглифа реализуется в сочетании 美人 «красавица», 美观 «приятного эстетичного вида» (о здании, помещении), 美感 «чувство прекрасного, вкус». То есть речь идет о сенсорном восприятии, о моральной оценке и эстетической значимости и смысл красоты не столько в приятной внешности и любовании ею, сколько в этике. Человек не может быть только наблюдателем, он должен питать свой дух красотой и сам становится лучше. Иероглиф 美 богат лексическими сочетаниями, описывающими красоту природы и человека, особенно это касается женской внешности. Вообще иероглифов с детерминативом «женщина» очень много, а детерминатива «мужчина» не существует. Иероглиф «мужчина» 男 образован сочетанием «поле» и «сила».

В русских сказках внешность человека и убранства, природа описаны только в волшебных историях. В центре сюжетов социально-бытовых сказок

⁶³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Терра, 1995. С. 185

⁶⁴ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru>. 14.04.2016.

стоит ироническое высмеивание людских пороков и социальной несправедливости, в сказках о животных иносказательно описываются различные человеческие типажи и кроется нравственное назидание. Лишь волшебные сказки благодаря своей фантастической природе имеют в центре повествования полумифических и идеальных людей-героев – непобедимых мужчин и прекрасных женщин. Иными словами, они описывают жизнь не ту, какой она была, а ту, о которой мечталось.

В русских и китайских народных сказках красота представлена и с положительной, и с отрицательной стороны. По способам представления этого концепта возможно выделить следующие группы:

1) Красота природы.

Красота мира в русском представлении связана с бескрайними просторами (моря глубокие, степи бескрайние, поле чистое, раздолье широкое, зеленые луга). В китайской картине мира красоте природы отведено больше внимания, она представлена в ярких красках и обилии сравнительных конструкций (зеленые сосны, прозрачная вода в родниках, цветущие сливы, серебрянный водопад; вода, как старая тушь, трава, как драгоценный жемчуг, деревья, как изумруды, цветы, как мотыльки разноцветные). И наоборот, вечные снега, глухой дремучий лес – страшное место (контраст со светлым сосновым лесом, цветущими горами, извилистыми реками и прозрачными водопадами). Китайцы – большие эстеты. В образах природы они видят то благородство и ту душевную высоту, к которой должен стремиться человек.

2) Красота жилища.

Описание красоты жилища в русских сказках дано поверхностно, в двух словах: это великолепный дворец, терем о двенадцати столбах, о двенадцати венцах, белокаменные палаты, хрустальный дворец, во дворе точеный столбец с золоченым кольцом, резное крыльцо – т.е. просторное, большое, высокое светлое здание.

Красота жилища в китайских сказках поражает богатством материала, отделки (золотой, серебряный, красный, белый, бронзовый, нефритовый). Золо-

тые покои, большие ворота, черным лаком покрытые, дом/дворец с флигелями из одноцветного кирпича, черепица, узорчатые стены, окна, барельефы, мебель, крытая лаком). Чего стоит описание Запретного города в сказке «Портрет девушки из дворца» со всеми его колоннами и садами.

3) Красота человеческая: внешняя vs. внутренняя.

Внешняя красота героев русских сказках описана общим языком с помощью определенного набора формул-клише, т.е. имеет типовой характер. Женский персонаж может быть «красоты неописанной», как купеческая дочь в сказке «Волшебное зеркало», как Марья Моревна, прекрасная королевна. Героиня прекрасна, «что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать», «красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел», «несказанная красота» и т.д. Русская женщина отличается статью, ростом, дородностью. В сказке «Василиса Прекрасная» красавица с каждым днем все хорошела и полнела, а мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости.

Менее частотным стилистическим средством, чем эпитеты (статная фигура, плавная походка, ясные глаза, черные брови), в русских сказках является метафора. Так, у царевны-лягушки на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный: небесные светила отождествляют красавицу с волшебным, неземным миром, намекают на ее получеловеческую-полубожественную природу.

Частой метафорой при описании внешности служит золото: золотая коса Василисы, золотая грудь Царь-девицы. Золото – солярный символ изобилия, матери-сырой земли. Кроме этого, В.Я. Пропп доказал, что золото – признак иного, загробного царства⁶⁵, поэтому в сказках золото – признак не только красоты, но и плодовитости женщины.

В сказке «Белая уточка» княгиня была превращена колдуньей в белую уточку. Уточка снесла три яйца, из которых вылупились трое сыновей. Утка в русской культуре – женский символ, восходящий к космогоническому мифу, в

⁶⁵ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 284–285.

котором мир был создан уткой, плавающей по мировому океану. С уткой связаны представления о плодородии, продолжении рода человеческого.

Красота также подчеркивается сравнениями: «брови черны, как у черна соболя», «очи ясны, как у ясна сокола», «походка павлинья», «глазки, что голубые бусины».

Гипербола употребляется не только для описания выдающейся красоты (ни в сказке сказать, ни пером описать), но и уродства. Вот Баба-Яга лежит на печке, зубы – на полке, а нос в потолок врос, у чуда-юда шесть голов.

Красота в русских сказках детализируется далеко не так подробно, как в китайских. Походка – «быстрое течение реки», голос – «звон золотых бокалов, переливы серебряных колокольчиков, пение жаворонка, звонкий смех, щебечет и хохочет». Лицо – «белое, румяное»; «овальное яйцо утиное, круглое». Глаза – большие, узкие, брови – «тонкие, вразлет», рот – маленький, зубы – белые. Как видим, большое значение придается форме и размеру, искажение расценивается как уродство. Китайская красавица, в отличие от русской, хрупкая, миниатюрная. Красный и зеленый цвета одежды («Жены в зеркале», «Женщина-лисица»), богато украшенная одежда, схожесть с цветком («Жены в зеркале» – пионы, «Девушка-воевода» – Бай-хуа, белый цветок). Представления о красоте и уродстве выражены сравнением с природой: жаба, черепаха – уродливый, злой человек; лебедь, лилия, золотистый карп, пион – красивая, добрая и остроумная девушка. Человеческие чувства также сравниваются с природными явлениями: дождь – со слезами, туман – с тоской.

Кроме сравнений и эпитетов, для описания красоты в китайских сказках используются метафоры. В сказке «Жены в зеркале» сестры в красном и зеленом платьях были превращены в красные пионы. В Китае красный «императорский» пион – символизм любви, почета и богатства. С этим цветком сравнивают красивую женщину. Незамужним девушкам пион притягивает вторую половинку, замужним помогает сохранить любовь в паре. Пион – такой же символ Китая, как Хризантема – Японии.

В сказке «Женщина-лисица» девушка, заигрывая с героем, кидала в него цветы сливы. Слива – одно из четырех благородных растений в Китае, олицетворяет вечный круговорот природы: появляются молодые листья, растут, опадают и вновь появляются. Нежная слива цветет весной (когда и происходит встреча героев), когда еще не сошел до конца снег, и кроме жизнелюбия, олицетворяет негибаемость и выносливость. Эта негибаемость проявилась и в характере героев, которые наперекор воле отца невесты остались вместе.

Для описания внешности чего-то выдающегося чаще всего используется гипербола. Например, выдающейся силы (все семеро братьев Лю были настолько похожи, что мать их не различала. Один из них мог выпить море, другой – одним шагом преодолеть любое расстояние, третий мог дыханием вызвать ураганный ветер и т.д.), размеров (акация – вдесятером не обхватишь) и т.д. Гипербола используется также для создания страшных образов зла (глаза у тигра – два храмовых колокола, пасть удава – тазик с кровью, а ядовитый дух пускает на десять чжанов вокруг).

Портрет мужской красоты в обеих картинах мира очень похож. Идеальный мужчина и в русских, и в китайских сказках силен, ловок, вынослив, не боится врага, защищает страну и семью.

И в китайских, и в русских сказках говорится о том, что красота бывает обманчива. В китайской сказке «Добрая невестка» у отца было три дочери, красивых, как богини, и не менее красноречивых. Отец хвастался соседям: «Стоит им заговорить, как сразу к ним слетаются все голуби с деревьев». Отец невлюбил свою невестку за то, что та была скромна и молчалива, хоть и хорошая хозяйка. Но ни одна из родных дочерей не накормила отца, когда он был голоден, а невестка без всяких просьб поставила на стол еду. Так старик понял, что судить человека нужно по делам, а не по приятным речам. В русской сказке «Перышко Фениста ясна сокола» старшие дочери были щеголихи, а младшая о хозяйстве радела, ни серег, ни платьев не просила и в конце концов вышла замуж за царевича и стала жить хорошо.

Более того, внутренняя привлекательность важнее внешней, иногда даже противопоставляется ей. В китайской сказке «Богиня печи» красота души от важной молодой девушки затмевает все остальное, и после смерти ей поставили великолепную статую в храме, ее помнят, любят и почитают. В сказке «Девушка-воевода» о внешности героини тоже ничего не говорится, зато много слов уделяется ее силе духа, храбрости, уму, и после смерти она тоже стала духом, помогающим в сражениях. Скромная работающая Марфуша в русской сказке «Морозко» заслужила приданое и хорошего жениха, а ее злые ленивые сестры замерзли насмерть.

И в русских, и в китайских сказках особо подчеркивается, что красота без ума не представляет ценности. Марья-царевна, Лягушка-царевна, Василиса Премудрая (рус.), Женщина-лисица, Ткачиха (кит.) не только красавицы, но и помогают мужьям советами, благодаря им героям не только удается сохранить жизнь, но и разбогатеть.

Все вышеперечисленные примеры свидетельствуют о том, что красота всегда ценилась и в русском, и в китайском обществе, считалась положительным качеством, однако важнее была красота не внешняя, а внутренняя – поступки человека, его ум, доброта, здоровье. Красивая внешность может вводить в заблуждение и оценивать человека необходимо по его мастерству, таланту, трудолюбию.

Внешние признаки уродства и, следовательно, зла в русских сказках – это измененная, уродливая внешность: ведьма с огромными зубами («Ивашко и ведьма»), змееподобность (ведьма заменяется на змею в другом варианте сказки там же, двенадцатиголовый змей прилетает к царской дочери («Илья Муромец и змей»)), худощавая, кривая, одноокая женщина-лихо, старость («Жадная старуха», «Лихо одноглазое»); необычный голос: ведьма с хриплым голосом («Ивашко и змей»), Соловей-разбойник с оглушительным свистом («Илья Муромец и змей»); магические способности: Кощей Бессмертный летает, Соловей-разбойник свистом поднимает ветер, нечеловеческая сила ведьмы, Лиха.

В китайских сказках – волосатые руки и лицо (злая волшебница из «Жен в зеркале»). Огромный размер, клыки, острые когти. Черный цвет, дым, огонь, железо (чудовищный бык в сказке «Богиня печи», черная черепаха из «Девушки-карпа»), одетые в черное оборотни-удава, изрыгающие ядовитый дым и огонь («Царь-удав»).

Можно сделать вывод о том, что и в русской, и в китайской картине мира красоте окружающего мира и человека придается большое значение. Различие в том, что для китайцев красота окружающего мира, природы, помещения, одежды и т.д. не менее важна, чем красота человека, китайцы – эстеты, любят и ценят прекрасное во всем. Описание внешности в китайских сказках намного более детализировано и красочно. В русских сказках внешний вид, особенно если это касается природы и жилища, описывается общими фразами, наборами клише.

В обеих картинах мира концепт «красота» в отношении человека тесно связан с его внутренним миром. Красота может вводить в заблуждение, за ней может скрываться плохой характер, и важнее в итоге не внешность, а доброта, скромность и ум человека. Таким образом, вопрос красоты и в русских, и в китайских сказках переходит в проблему красоты человека в целом и смысла жизни, в морально-этическую плоскость концептом «добро» и «зло».

Концепт «красота» является одной из важнейших категорий культуры. В русских народных сказках концепт красота большей частью репрезентируется в волшебных сказках.

Концепт «красота» в русских народных сказках представлен следующими семантическими компонентами:

1) «свойство объекта», данный компонент мы можем наблюдать как в самих названиях волшебных сказок («Чудесный ящик», «Чудесные лапоточки», «Чудесная рубашка»), так и в отдельных фразах («... и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только, в сказке сказать» («Царев-

на-лягушка»), «сарафаны пестрые, каблуки точеные, бусы золоченые» («Серебряное блюдечко и наливное яблочко»);

2) «качество объекта, приносящее удовольствие и радость, вызывающее положительные чувства» («Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул: – Ну, вот это рубашка – в праздник её надевать», «Вот это хлеб, только, в праздник его есть» // «Царевна-лягушка»); «Одной дочери привез шелку синего, другой бархату алого ...сестры рады-радешеньки» («Серебряное блюдечко и наливное яблочко»).

В русских сказках внешность человека и убранства, природа описаны только в волшебных сказках. В центре сюжетов бытовых сказок стоит ироническое высмеивание людских пороков и несправедливости, в сказках о животных иносказательно описываются различные человеческие типажи и дается нравственное назидание.

В русских сказках концепт «красота» чаще репрезентируется через образы прекрасных девушек:

1) «Василиса Прекрасная»: «лягушка обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке, не расскажешь» (Царевна-лягушка);

2) «Марья – краса, длинная коса»: «Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать».

Внешняя красота героев русских сказок описана общим языком с помощью определенного набора формул-клише, т.е. имеет типовой характер. Женский персонаж может быть «красоты неописанной», как купеческая дочь в сказке «Волшебное зеркало», как Марья Моревна, прекрасная королева. Героиня прекрасна, «что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать», «красавица, век бы глаз от нее не отвел, все бы смотрел да смотрел», «несказанная красота» и т.д. Русская женщина отличается статью, ростом, дородностью. В сказке «Василиса Прекрасная» красавица с каждым днем все хорошела и полнела, а мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости.

В русских сказках концепт «красота» репрезентируется через лексемы-понятия: «прекрасное» («Василиса Прекрасная»), «краса» («Марья – краса, длинная коса», «Серебряное блюдечко и наливное яблочко»), «золото» («Жар-птица и Василиса-Царевна», «Курочка Ряба»); «красавица» («Серебряное блюдечко и наливное яблочко»).

В русских народных сказках концепт «красота» находит свое отражение в пословицах и поговорках: «Снесу я вам яичко не золотое, а простое» («Курочка Ряба»), «ни в сказке сказать» («Царевна-лягушка»).

Основными художественно-образными средствами вербализации концепта «красота» в русских народных сказках являются:

1) эпитеты: «Василиса Прекрасная», «прекрасная княжна» («Белая уточка»), «красная девица», «красоты неописанной» («Заколдованная королева»), «прекрасная девица» («Сказка о молодильных яблоках и живой воде»);

2) метафора, частой метафорой для описания внешности служит золото: «золотая коса» («Сказка о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе»), «золотая грудь» («Царь-девица»); «сердце – золотое» («Сказка о молодильных яблоках и живой воде»);

3) сравнение: «Стоит девушка, как весенний цвет, очи – солнечный свет, по лицу – заря, по щекам – слезы катятся, будто жемчуг падают» («Серебряное блюдечко и наливное яблочко»; «...Василиса Премудрая – сама, как солнце ясное, светится» («Царевна-лягушка»).

4) тавтология: «чудо чудное», «диво-дивное» («Чудо-чудное, диво-дивное»).

Эпитеты, метафора, сравнение и тавтология, выступающие средствами вербализации концепта «красота» в русских народных сказках, выражают отношение русского народа к изображаемому.

2.3 Концепт «животные» в русских и китайских сказках

В русской народной сказке героями являются не только люди, но животные. Изображая реалии, народная сказка придает им человеческие черты, но в

то же время фиксирует и характеризует их специфические особенности, отражая «образ мысли» в самом широком понимании.

Концепт «животные» репрезентован по большей части в группе «сказки о животных» («Хаврошечка», «Три медведя», «Теремок»), но также и в волшебных сказках («Царевна-лягушка», «Царь-медведь», «Царевна-змея»).

В русских народных сказках концепт «животные» репрезентируется при помощи лексем-понятий: «звери» («Зимовье зверей», «Звери в яме»); «лес» («Жили-были кот, дрозд да петушок... Жили они в лесу» // «Петушок – золотой гребешок»; «Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку...» // «Волк и семеро козлят»), «двор» («Жили-были на одном дворе козел да баран» // «Напуганные волки»).

В русских народных сказках обилие образов животных. Рассмотрим наиболее яркие образы, репрезентирующие данный концепт:

1) «добрый конь», он чаще всего встречается в волшебных сказках, имеет сверхъестественную скорость, богатырскую силу, умеет говорить, даже читать мысли: «оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу» («Иван-царевич и серый волк»); «Оседлал Иван-царевич своего доброго коня и в путь отправился» («Медное, серебряное и золотое царства»);

2) «медведь» представляет собой воплощение губой силы, однако бывает он наивным, добрым и даже пугливым: «Большой медведь взял свою чашку, взглянул и заревел страшным голосом...» («Три медведя»); «Испугался медведь, поставил короб у ворот и пустился в лес без оглядки» («Маша и медведь»); «Медведь испугался, как бросится бежать без оглядки» («Напуганные медведь и волки»). Будучи хозяином леса, он обладает властью над другими животными, но, тем не менее, характером отличается простоватым. Наличие физической силы у данного животного практически исключает ум – медведь в сказках глуп и наивен, нередко его обманывают: «Медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки» («Мужик и медведь»);

3) «лиса» – персонаж, в котором доминируют хитрость, склонность к уловкам и обману, за что она часто наказывается («Лисичка-сестричка и волк»,

«Лисица-девица и Котофей Иванович», «Лиса-повитуха», «Лиса-исповедница», «Лиса, заяц и петух», «Лиса и тетерев», «Лиса и рак», «Лиса и лапоть», «Лиса и кувшин», «Лиса и козел», «Лиса и журавль», «Лиса и дрозд», «Лиса – страница»);

4) «волк» традиционно олицетворяет собой жадность и злобу, также его часто изображают глупым («Волк и испугался – и побежал» // «Старик и волк», «Глупый волк»; «Злому волку доставались» // «Волк и семеро козлят»; «Ах ты, глупый серый волк» // «Волк-дурень»).

В русских сказках, как и в китайских, нередко употребляются пословицы и поговорки, которые помогают актуализировать концептуальное поле «животные»: «Что ж мне дом заводить? Одна-то ночь куда ни шла!» («Байка про тетерева»); «Как с гуся вода» («Бык, баран, гусь, петух и волк»), «И сейчас по снегу волка косточки блестят» («Как лиса шила волку шубу»), «Битый небитого везет» («Лисичка-сестричка и серый волк»).

Для большей выразительности и усиления поучительного эффекта в русских народных сказках применяются художественно-образные средства вербализации концепта «животные»:

- 1) эпитеты: «Глупый волк», «Напуганный медведь», «Хитрый козел»;
- 2) синонимическая тавтология: «Гуси-лебеди», «Сорока-ворона»;
- 3) сравнение: «Ну, совсем как та птичка!» («Как волк стал птичкой»), «мой хвост что прут» («Зайкина избушка»), «А сам царевич – словно птица крылатая» («Деревянный орел»);
- 4) метафора: «Кривая уточка», «Петушок – золотой гребешок», «Золотой конь», «Золотой петушок».

Употребление того или иного имени, свойства, вида животного не является случайным в сказке, а определенным образом отражает особенности национального восприятия действительности. В традиционной культуре образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире, являясь культурным кодом.

Животные – типичные персонажи многих фольклорных жанров. Семантика их образов восходит к древним представлениям о мире и мироздании, к мифам и обрядам древнего Китая. Особенности семантики образов животных проявляются в языке, благодаря особенностям идеографического китайского языка.

Анализ концепта «животные» в китайских народных сказках показал, что наиболее часто данный концепт проявляется в следующих лексемах-понятиях: 1) «птица» («Золотая птичка и дух дерева», «Птица Чжаогу», «Пьяный воробей», «Желтый аист», «Почему солнце восходит, когда кричит петух», «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай, или птички-неразлучницы»); 2) «земноводные» («Драконовый водоём», «Девушка-камп», «О том, как Ча превратился в дракона»); 3) «звери» («О том, как по животным счет годам вести стали», «Собака и олени», «Как собака с кошкой враждовать стали»).

Мы считаем, что каждая национальная традиционная культура обладает своим зоологическим кодом, набором образов, которые в определенной степени стабильно функционируют сначала в мифах, затем в сказке, постепенно становясь постоянными величинами, символами, своего рода константами культуры, переходящими в другие виды духовного и материального искусства, по которым можно безошибочно определить национальную принадлежность произведения. В качестве образов концепта «животные», репрезентированных в китайских народных сказках, мы выделили следующие:

1) «тигр» – царь зверей, которого боятся и животные, и люди. В китайской культуре это символ доблести, ограждающий от злых духов, но чаще всего тигр делает, что хочет и ест, кого хочет, из-за чего у него нет друзей («Тигр и буйвол», «Тигр и осел»). Тем не менее с тигром можно совладать с помощью хитрости («Тигр и лиса», «Как тигр кап-капа испугался»). Однако, в некоторых случаях тигры могут быть благодарны и помогать людям («Благодарная тигрица»);

2) «дракон (змея, удав)» – охраняет корень женьшеня, золото и серебро, жемчуг, магический предмет. Он может оборачиваться в людей («Жених-

змей»). У драконов есть и своя иерархия: есть правитель остальных драконов, есть старшие и младшие драконы, драконы-хозяева и драконы-слуги («Лун-тан, что ни говорите, – священный водоем, это – ход в жилище самого Лун-вана, князя дракона!» сказка «Драконовый водоем»);

3) «черепаха» – почитаемое животное в Китае, это символ долголетия, ее панцирь ассоциируется с броней. В образе неторопливой черепахи отражается народная мудрость китайцев: успеха в жизни добивается тот, кто не устает идти к цели; настойчивость движения вперед важнее скорости (т.е. характер важнее врожденных способностей) («Заяц и черепаха», «Обезьяна и черепаха»). Она, как и дракон, может быть монстром-оборотнем («... хозяйка моя, черная черепаха, с малолетства заставляет меня пеньем ее ублажать» // «Девушка-карап»).

4) «лиса» – в китайских сказках образ хитрой лисы («Тигр и лиса») дополняется образом лисы-оборотня («Женщина-лисица»).

В китайских народных сказках концепт «животные» репрезентируется при помощи пословиц и поговорок: «А те поняли, что им не следовало верить чужим словам, и снова стали друзьями», «И по сегодняшний день летучая мышь живет не так, как все птицы» («Про летучую мышь»); «И до сих пор ослы сердятся попусту, а когда начнешь их урезонивать – лягаются. По этой примете ослы и узнают» («Тигр и осел»).

В китайских сказках основными художественно-образными средствами вербализации концепта «животные» являются:

1) эпитеты: «птица малая» («Золотая птичка и дух дерева»), «красивая птичка» («Птичка Чжаогу»);

2) сопоставления: «министр-лиса», «генерал-леопард», «дракон – добрый покровитель» («О том, как по животным счет годам вести стали»);

3) паронимы: в кит. языке летучая мышь созвучна со словом «счастье» («Про летучую мышь»).

Таким образом, животные в китайских и русских сказках играют важную жанрообразующую роль и приобретают яркую оценочную характеристику. И в русских, и в китайских сказках в образах животных кроются определенные че-

ловеческие типажи, с помощью чего происходит привитие моральных ценностей учащимся и их социализация. То есть через образы животных реализуется одна из главных функций сказки – воспитательная.

2.4 Концепт «семья» в русских и китайских сказках

Семья играет важную роль в жизни любого человека, поэтому вопрос взаимоотношений между членами семьи занимает большое место в русских и китайских сказках. Сказки – это произведения для детей, поэтому круг персонажей соответствующий: отец и мать, братья и сестры. Число детей в семье в русских и китайских сказках – от одного до трех. В русских сказках вместо матери и отца часто выступают дедушка и бабушка (поскольку родители работали, а с детьми оставались старики). Сюжет русской сказки часто развивается вокруг ухода достаточно взрослого ребенка из дома в поисках невесты, приключений, лучшей жизни.

Согласно этимологическому словарю М.Р. Фасмера, слово «семья» в русском языке происходит от др.-русск. сѣмиа «челядь, домочадцы, семья; муж, жена», сѣмьца «младший член семьи», русск.-церк.-слав. сѣмь «persona», сѣмиа (др.-греч. ἀνδράποδα), сѣминь «невольник, домочадец» (XII в.)⁶⁶. По Д.Н. Ушакову, семья – это 1. Группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе. 2. Организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами⁶⁷. Таким образом, для русского человека семья включает родных по крови людей и слуг, домочадцев – т.е. людей, живущих вместе, имеющих общие интересы, занимающихся общим трудом.

В китайских сказках семья часто состоит из двух поколений, живущих вместе (взрослый сын и старая мать, вдовец и дочь-невеста). Популярен мотив привода невесты в дом взрослым сыном («Женщина-лисица», «Благодарная тигрица») и мотив воссоединения семьи (поиск пропавших братьев «Жены в зеркале», вызволения братьев из тюрьмы («Братья Лю»). Герой редко уходит из

⁶⁶ Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс М. Р. Фасмер [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/fasmer/Semja-11995.html>. 14.04.2017.

⁶⁷ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.gramota.ru>. 16.05.2017.

семьи сам, но его могут выгнать, например, злой старший брат отделяет от себя младшего («Волшебная тыква», «Волопас и ткачиха»). Этот обычай делить наследство при свидетелях-соседях часто упоминается в китайских сказках.

Иероглиф «семья» 家 состоит из двух ключей - «крыша» и «свинья», что вместе означает «свинья под крышей». Во-первых, наличие свиньи в доме означало достаток, ведь бедняк не мог позволить себе есть свинину. Во-вторых, свинья – плодовитое животное, поэтому она стала символом семейного счастья. «Таким образом, идеографическая этимология хорошо передает экономическое и ритуальное значение семьи в Китае: редкий крестьянин не держал в своем доме свиней, и та же свинья была у китайцев главным жертвенным животным, благодаря которому в дни семейных празднеств осуществлялось общение живых с умершими предками. Так в слове «цзя» отобразились важнейшие признаки семьи: родство по крови или браку, общность имущества, хозяйственная и культовая самостоятельность»⁶⁸.

У Синьуй в своей работе проводит лингвокультурологический анализ концепта «семья» в русском и китайском языках⁶⁹. Она пишет, что изначально понятие семьи в русском было шире, чем в китайском, но затем под влиянием общественных реформ претерпело значительные изменения. В настоящий момент китайское понимание лексемы «семья» намного объемнее и универсальнее, чем русское. Потенциальное число близких родственников, составляющих семью, в Китае шире (ср.: семья как предприятие, род), а в русской культуре можно отметить постепенное сокращение числа родственников, формирующих одну семью.

Хотелось бы выделить следующие основные компоненты концепта «семья» в русских и китайских сказках.

1) Забота членов семьи друг о друге.

⁶⁸ Малявин В.В. Китайская цивилизация / ред. О.И. Ярикова. М.: Дизайн. Информация. Картография: Астрель: АСТ, 2001. С. 115.

⁶⁹ У Синьуй. Лингвокультурологическая специфика концепта "семья" в русской и китайской культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 105. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskaya-spetsifika-kontseptov-semya-v-russkoy-i-kitayskoy-kulturah>. 14.05.2017.

В русских сказках главное в семейных отношениях – это забота друг о друге. Родители заботятся о своих детях (Волк и козлята»), дети – о родителях («Пение волка»); муж заботится о жене и жена – о муже (Кот и дикие животные»). В семейных отношениях инициатор – мужчина, а женщина (жена или сестра) – его помощница. Василиса Премудрая, Марья-царевна, заколдованная королева – все помогают мужьям советами и волшебством спастись.

В китайских сказках родные тоже помогают друг другу. Сестры в сказке «Пять сестер» вместе делали всю работу, сообща убили злого оборотня, построили дом, засеяли землю, вместе достигли сытой жизни. В сказке «Братья Лю» показан идеал братской любви: братья подменяли друг друга в тюрьме, вызволяли друг друга и вместе победили злого правителя.

Особенно подчеркивается в сказках сила материнской любви. Мать заботится о ребенке и после смерти. Умирая, мать дала Василисе куколку-помощницу («Василиса Прекрасная»), оставила волшебную корову («Буренка»). Аленушка, заменившая после смерти родителей мать своему младшему брату, даже «после смерти» защищает его от ведьмы. О любви отца к детям в сказках говорится не часто. Отец может не только любить свою дочь, как в сказке «Аленький цветочек», но может отвезти ее в лес и оставить там одну, обрекая на гибель, как в сказке «Морозко».

В китайских сказках говорится о материнской любви. В истории «Мост матери и сына» Паньвань подпер собою мост, чтобы тот не упал. Его мать проходила мимо и, увидев сына, бросилась помочь. Они вдвоем стояли в ледяной воде и превратились в каменные столбы. Так мать готова отдать свою жизнь ради своего ребенка. Отец или отчим могут, наоборот, очень сурово относиться к своим дочерям (но не к сыновьям). В сказке «Пять сестер» отчим увел девочек в лес на смерть, но девочки выжили и простили его. Отец-колдун плохо относился к своей дочери женщине-лисице, хотел выдать ее за богатого, держал в неволе. Еще один пример – «Волопас и ткачиха», где отец строил козни зятю, вызывал его на испытания и в конце концов разлучил возлюбленных.

В русских сказках тех, кто идет против родных, обязательно ждет смерть или другое наказание, например, старших братьев и сестер, убивших младших, чтобы занять их место. В сказке Василиса Прекрасная мачеха и ее дочери хотели сжить со свету падчерицу, давали ей самую тяжелую работу, послали ее к Бабе-Яге за огнем. Василиса принесла от Бабы-Яги череп с горящими глазами и к утру мачеха с сестрами были сожжены его взглядом. В таком финале видны следы сохранившейся языческой морали – месть за предательство, даже родным.

В китайских сказках конфликт в семье часто завязывается между двумя братьями из-за наследства. Злой и ленивый старший брат и его вредная жена хотят убить или обмануть младшего, отдать ему что-нибудь ненужное или вообще ничего. Но высшие силы видят трудолюбие и доброе сердце младшего и помогают ему, а старший брат с женой погибают. Как видим, в отличие от русских сказок, обиженные родственники не мстят, а прощают провинившихся, оставляя наказание на волю духов.

Интересно, что в китайских сказках упоминается забота не только о членах семьи, но и об общине. В сказке «Богиня печи» молодая девушка пожертвовала собой не только ради отца, но и ради всей деревни, за что ее канонизировали, построили в ее честь храм и почитают до сих пор.

2) Иерархия семейных отношений.

В русской семье младшие подчиняются старшим, дети – родителям, жена – мужу. Например, в сказке «Марья Моревна» Иван послушал наказ родителей выдать сестер поскорее замуж, в сказке «Царевна-лягушка» – найти жену, жениться на лягушке, выполнить задания. Елена Прекрасная и Василиса слушались злых мачех, беспрекословно шли на смерть. А братец Алешенька не слушал старшую сестру и превратился в козленка. Семеро козлят ослушались матери и были съедены волком.

Иногда в русских сказках выросшие дети не слушают родителей, но история заканчивается «хорошо». Иван в сказке «Волшебное кольцо» наперекор матери потратил все деньги на кошку, собаку и золотое кольцо, которые в итоге

спасли и обогатили его. Купеческая дочь прятала Фениста-ясна сокола от отца и хорошо вышла замуж. Герои русских сказок убегают от родителей, когда влюблены в того, кто не нравится матери или отцу, как Василиса Премудрая убежала с Иваном-царевичем от морского царя.

К мужчине и женщине предъявляются определенные требования. К невесте – способность к деторождению («По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре»), к жене – умение хорошо выполнять домашнюю работу. Достойная невеста – это, прежде всего, рабочие руки в семье, как учит сказка. Кроме того, она должна быть покладистой, а чувства между людьми на втором месте. Женых должен быть силен и ловок, чтобы защищать жену.

Когда муж во всем подчиняется жене, то это отрицательный пример поведения (старик зарубил волшебную корову в сказке «Буренка» по приказу злой мачехи Ягишны, отвел в лес дочь в сказке «Морозко», исполнял желания жадной жены в сказке «Жадная старуха»). Муж-подкаблучник теряет царство, позволяет обижать родную дочь.

В сказке «Заколдованная королева» жена рассердилась на спящего мужа, что тот не слушал ее совета, и побранилась на него. Мужа унесло вихрем, а жена осталась горевать в одиночестве. Она сравнила супружескую пару с золотыми иголкой и ниткой, причем иголка (ведущий) – это муж, а нитка (за ним следом) – это жена. Таким образом, жена должна не только в поступках, но и в речах быть покорной мужу.

По современным меркам подчинение женщины мужчине доходит до крайней степени. В сказке «Елена Прекрасная» Василий-царевич, послушав наговоров, продал свою жену за сто рублей купцам. Елена не только не обиделась на мужа, но и, обжившись в другом городе, интересовалась его судьбой и вернула Василия.

В русских сказках упоминаются трудовые обязанности членов семьи. Женщина готовит, прядет, ткёт, вышивает, а мужчина охотится, ловит рыбу, рубит дрова, воюет. Женщина привязана к дому, боится быть похищенной из него, а мужчина более свободен в передвижении, уезжает в другие страны. Да-

же царская дочь и королева могут напечь пирогов, соткать ковер и т.д. Дети пасут скот, собирают ягоды и грибы, носят воду. Труд занимает важное место в воспитании детей. Младших детей холят и лелеют, а подросших приучают к домашним обязанностям. Неработающий член семьи – это отрицательный персонаж сказки, как и родитель, разбаловавший ребенка. Например, в сказке «Морозко» дочери мачехи «поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают»⁷⁰.

То же можно сказать и о китайских сказках. В них тоже упоминается быт небогатой крестьянской семьи, как мужчина пашет, ходит за дровами, а женщина помогает ему – готовит, сушит зерно. В отличие от русских сказок, в китайских отдельный акцент ставится на совместном слаженном труде, например, пятеро сестер пошли в лес и сначала вместе нарезали лозу для одной сестры, затем собрали трав для другой, затем набрали ягод для третьей и т.д.

В китайских сказках мужчина – хозяин дома, добытчик, а женщина – хозяйка дома. Так, в сказке «Пять сестер» отчим не любил приемных дочерей, называл их «дешевым товаром» и плохо кормил. Однажды, уходя из дома, он выдал жене продукты и велел сделать ему блинов; жена заперлась на кухне, чтобы приготовить еду. Таким образом, именно мужчина распоряжается всем имуществом, решает все вопросы, а жена лишь выполняет его волю. Мужчина должен быть сильным и ловким, чтобы победить врагов. Об этом говорят сказочные мужские имена Недюжинная сила, Железный детина и другие. И самая главная его черта – негибкость перед лицом невзгод. Что бы ни случилось: выгнал из дома старший брат, остался сиротой и бедняком, посадили в тюрьму, угрожает непобедимое чудовище, – китайский мужчина упорством и терпением преодолевает все.

Роль женщины в китайских сказках двоякая. С одной стороны, жена – ценное сокровище, ведь за нее нужно заплатить выкуп, который не каждому под силу. Поэтому мужчина должен быть не только силен, но и достаточно трудолюбив и богат. Женщина – большая помощница в хозяйстве. Ее описыва-

⁷⁰ «Морозко» Народные русские сказки / А.Н. Афанасьева : В 3 т. Лит. памятники. М.: Наука, 1984–1985.

ют красавицей, веселой, ловкой, трудолюбивой женой, заботливой матерью, послушной невесткой и дочерью.

С другой стороны, положение женщины намного ниже, чем мужчины, ведь сын – продолжатель рода, он будет приносить жертвы и почитать предков. Как сказано в одной истории, у старика не было детей, т.е. мальчиков, потому что девочки не идут в счет. Дочь для отца – товар, который надо повысить цену и продать, выдать замуж за богатого («Жена-лисица»).

Женщина сама себе не хозяйка, не выбирает, кого любить, может быть служанкой, пленницей, рабыней (девица-камп пела госпоже-черепахе против воли, женщина-лисица держалась в плену собственным отцом, некрасивую рабыню били и унижали ее хозяева). Она как бы стоит в одном ряду с домашней скотиной, только самая ценная среди нее. Вот, например, сказка «Волопас и ткачиха», в которой возлюбленные были разлучены и видятся всего один день в году. И жена спускается с неба и моет 365 чашек и 365 котлов, стопкой их сложит, одежду всю перестирывает и обратно идет.

Девочки в Китае не могли получать образование и Чжу Ин Тай, хоть и была умной и умела читать, все же пришлось тайно переодеться мужчиной, чтобы учиться в монастыре, а когда ее раскрыли, сбежала.

Китайские дети, как и русские, подчиняются родителям. Сын в сказке «Царь-удав» хочет поскорее сразиться со змеем и отомстить за отца, но все же слушается мать, которая велит ему сначала научиться стрелять сразу двумя стрелами, на что уходят долгие годы, а Лу Чун по воле умершего отца женится на призраке. Небесная ткачиха остается жить с отцом, дочь правителя княжества У выбирает самоубийство. Чжу Ин Тай тоже ставит долг перед родителями выше своих чувств к Лян Шань Бо, выходит замуж за нелюбимого и умирает. В таком случае гибель молодых людей, верных своим чувствам и данным друг другу обещаниям, рассматривается китайским народом не как отчаянный шаг слабых людей, а как решительный протест против угнетения.

3) Создание семьи.

Мотив создания семьи, пожалуй, самый популярный и в русских, и в китайских сказках. В русских сказках семьи заводят не только люди, но и животные («Кот и лиса»). Так ребенку прививается, что семья – естественная форма отношений людей.

В русских сказках описывается родительское благословение на брак, упоминается сватовство, обычаи похищение невесты, выкуп невесты. Иван купеческий сын должен был сначала отчитать невесту в церкви, а потом в приданое получить шесть кораблей. Иван-царевич убил змея и освободил царевну из хрустальной горы. Другой Иван-царевич вернул свою похищенную жену Марью Моревну из кощева дворца. Бабка голубая шапка сосватала солдата Елене Премудрой. В сказке «Лягушка-царевна» молодые жены царевичей должны были выполнить поручения свекра.

Женитьба – союз не только двух людей, но и их семей. Поэтому женитьба воспринималась русскими людьми с практической точки зрения – это возможность укрепить свое материальное и социальное положение. Невесты в русских сказках не только красивы, но и богаты или обладают магическими способностями (Марья Моревна, Елена Прекрасная, Царевна-Лягушка и другие). Многие из них – царевны и заключают неравный брак с понравившимся и непримечательным младшим сыном или крестьянином. В сказке «Марья Моревна» Иван выдал замуж трех своих сестер за сокола, орла и ворона. В будущем зятья помогли ему вернуть жену от Кощея. То есть люди неродные, но скрепленные родственными отношениями, – союзники.

В настоящий момент китайское понимание лексемы «семья» намного объемнее и универсальнее, чем русское. Потенциальное число близких родственников, составляющих семью, в Китае шире (ср.: семья как предприятие, род), а в русской культуре можно отметить постепенное сокращение числа родственников, формирующих одну семью.

В китайских народных сказках концепт «семья» репрезентируется в бытовых и волшебных сказках через лексемы-понятия: 1) «женитьба» («Детки вы мои, детки, где же вам жен по сердцу найти?») // «Жены в зеркале»; «В былые

времена все отец с матерью решали: за кого дочь замуж отдать, на ком сына женить, – не то свадьба, не то торги – не поймешь», «...пора бы ему жениться, а он все один да один» // «Женщина-лисица»); 2) «почитание, уважение» («Отец, мой муж из дальних краев пришел, ничего он с собой не принес, только жбан отменного вина, чтоб уважение тебе выказать» // «Женщина-лисица»; «С мужем они жили мирно и любили друг друга, свекра она очень уважала» // «Добрая невестка»); 3) «самопожертвование» («Но тогда в тюрьму, куда отвели Люпятого, пробрался Лю-четвертый... Он остался в тюрьме вместо своего брата» // «Братья Лю», «Он пожалел брата, повёл к себе в дом, накормил и одел» // «Волшебная тыква»).

В китайских народных сказках основные лексемы-образы, репрезентирующие концепт «семья», иные, нежели в русских: 1) «невестка» («... а невестка злая да вредная» // «Сказка про младшего брата»; «Старший брат был очень ленив, любил вкусно поесть, красиво нарядиться, а работать не любил. И женился он на такой же лентяйке, как и сам» // «Волшебная тыква»; «Невестки стали относиться к свекру все хуже и хуже» // «Умная дочь»);

2) «брат», в сказках данный образ часто выступает в качестве отрицательного персонажа («Старший брат был очень ленив» // «Волшебная тыква»; «Брат – лентяй» // «Сказка про младшего брата»), но также существует и положительный образ брата («...было пять сыновей, пять братьев Лю... Они жили счастливо и безбедно», «Он остался в тюрьме вместо своего брата» // «Братья Лю»);

3) «отец» («Услышав, как живет ее отец, она горько заплакала» // «Умная дочь»; «Дочки были красивы, как богини, и очень красноречивы, этим отец особенно любил похвастаться перед соседями» // «Добрая невестка»).

В китайских сказках находят отражение пословицы и поговорки репрезентирующие концепт «семья»: «Недаром говорится: не держи камень за пазухой – тебе же на ноги упадет» сказка «Как три зятя тестя поздравляли», «Поесть у себя дома один раз лучше, чем три раза в гостях» («Добрая невестка»).

В китайских народных сказках концепт «семья» вербализируется при помощи художественно-образных средств:

– эпитеты: отображены в названиях сказок «Добрая невестка», «Умная дочь», «Красивая жена», «Умный муж»;

– гипербола: «Не только работу забросил – из-за жены обо всем на свете забыл» («Красивая жена»).

В китайских и в русских народных сказках воспевается сила мужчины-защитника и красота и ловкость жены-хозяйки. Восхищает сила материнской любви в сказках. Отцы же (отчимы) в русских и китайских сказках иногда ведут себя плохо по отношению к детям (в китайских сказках – по отношению к дочерям, но не к сыну).

Мужчина решает судьбу и китайской, и русской женщины. Неравноправие полов видно и в русских, и в китайских сказках, но в китайских оно заметнее, встретилось больше примеров.

И для русских, и для китайских сказок характерна еще одна типичная черта патриархального общества – уважительное отношение к старшим. Особенно это характерно для китайских волшебных историй. Очень сильный мотив китайских сказок – это выполнение сыновьего долга, который заключается в следовании воле родителей и заботе о стариках. Жениться и родить сына, который сможет почитать умерших предков, – также часть сыновьего долга у китайцев. Старики в представлении и русских, и китайских людей отличаются мудростью и даже связаны с высшими силами, могут быть их воплощением или посланниками.

2.5 Цветовой код в русских и китайских сказках

В цветовом коде китайских сказок преобладает сформировавшаяся с первобытных времен триада красного, черного и белого. Белый цвет в Китае традиционно связан с дневным светом, добром и чистотой (белые лицо и зубы, жемчуг и цветы, белоснежная борода старца-дракона, просветленная белая лисица). С другой стороны, в китайской культуре белый цвет символизирует запад и мир мертвых. Тигру принадлежит западная сторона света, отсюда белое

пятно у него на лбу. В сказке «Как юноша любимую искал» Чжан Шуань одел волшебное белое платье, т.е. как бы приобщился к смерти, чтобы проникнуть на западный край неба к Огненному тигру.

Антипод белого, черный цвет – символ оборотничества, используется для описания внешности и места обитания животных-оборотней. Это черная черепаха в сказке «Девушка-камп», матушка Черная рыба и змеи в сказке «Царь-удав». Как только черепахи-оборотни ушли из залива, его цвет из черно-зеленого стал синим («Девушка-камп»). У оборотня в сказке «Как юноша любимую искал» лицо черное. Черный олицетворяет опасность (черный туман клубится, рассеялись черные тучи – зло побеждено), холод и уродство. В отличие от русских, связь черного с загробным миром рождает у китайцев и положительные ассоциации, связанные с предками, надежду на возрождение. Это не цвет не траура, а перерождения в новом качестве (как природа, которая зимой не умирает, а отдыхает). Поэтому черную одежду в Китае носили даосы, ученые.

Красный – цвет огня и драконов, он выполняет функцию переправы в потусторонний мир (через сжигание). Изначально красный цвет связан с кровью и глиной, поэтому все красное, плохое или хорошее, обладает огромной жизненной силой. Итак, для китайцев красный цвет олицетворяет тоже, что и для русских – жизнь, здоровье, красоту. И в тоже время он, как и черный, может быть сигналом оборотничества (красное платье девушки-лисицы и девушки-пиона, место обитания оборотней – Красная скала) и связи с загробным миром (Огненный тигр на Огненной горе на западном краю неба сторожит драгоценный меч, «Как юноша любимую искал»).

В русских сказках по частоте употребления на первом месте черный и белый цвета. Прежде всего это потому, что они символизируют добро и зло, их вечное противостояние. Белый цвет (белый шатер, палата белокаменная, белая рука, белое личико, белая грудь, белое тело, белая лебедь) символизирует день, чистоту, непорочность, истину («Утром приезжает королева – лошади белые, а сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучше нельзя» («Заколдованная королева»)), но в тоже время старость и смерть (цвет седины, например,

«Иван-царевич и Белый Полянин»). Выражение «белый свет» означает открытость и в то же время неизведанность.

Черный цвет – символ ночи, опасности, смерти, греха, зла. Он говорит о том, что героя ждет борьба, предательство, встреча с потусторонними силами и, возможно, гибель (черный ворон, конь вороной, черный всадник-ночь в черной одежде).

Третий популярный цвет в русских сказках – золотой. Он олицетворяет богатство (золотая казна, золотые яблоки, клетка, уздечка), власть (червлёный трон, золотая нога у бабы-яги), совершенство, как перо Жар-птицы или золотые волосы красавицы, и наконец, вечность и бессмертие (образ Кощея Бессмертного).

И, конечно, особое место в русских сказках занимает красный цвет. Этот цвет связан с праздником: свадебное платье невесты было именно красным, а нарядная одежда имела хоть какую-нибудь деталь красного цвета. Представленные на выставке предметы русского народного искусства показывают, как ценился этот цвет. Домашняя утварь: прялки, туеса, сундуки, даже люлька младенца – расписывались красными или красно-оранжевыми узорами. Вместе с белым он символизировал жизнь. В постоянных эпитетах «солнце красное», «красное лето» цвет символизирует жизнь и тепло. К тому же в русском языке красный и красивый – однокоренные слова: красная девица – значит красавица. Встречается в былинах и выражение красный стул, что является символом верховной власти, славы, почета, величия, мощи. Следовательно, слово красный выходит далеко за пределы простого обозначения цвета.

Таким образом, красный цвет в китайской и русской картинах мира означает примерно одно и то же – огонь жизни. Что касается белого и черного, то помимо традиционного общего толкования пары «белый-черный» как оппозиции «добро-зло», «жизнь-смерть» китайцы видят в белом цвете печаль и пустоту, а в черном – глубину и таинственность, т.е. эти цвета не так противопоставлены, как в русской культуре. В китайской картине мира такая двойственность

присуща не только черному и белому, но и красному цвету как сигналу оборотничества.

Итак, во всех русских и китайских народных сказках идет борьба между добром и злом. Все препятствия на своем пути герои сказок преодолевают благодаря своим положительным качествам. Добро побеждает зло – в этом состоит глубокое убеждение обоих народов. Представление о том, что есть зло, в обеих картинах мира почти одинаковое: это жадность и жестокость (проистекает из эгоизма – подчеркнуто в китайских сказках); лень и глупость взаимосвязаны, но в русских сказках акцент на глупости, а в китайских на лени.

Анализ концептов «добро/зло» в китайских и русских сказках подтвердил нашу мысль о том, что представление о плохом и хорошем не зависит от принадлежности к определенной культуре, а имеют общее ядро, содержащее базовые ценности. Концепты «добро/зло» объединяют концепты «дружба», «ум/хитрость», «жестокость», «храбрость», «жадность» и другие и служат некой основой, общей для русской и китайской картин мира. И для китайца, и для русского одинаково важно совершать хорошие поступки и иметь хорошие отношения с окружающими – потому, что этого требует общество, его моральные нормы и правила, потому, что это приводит к хорошим результатам – достатку, благополучию, счастью.

Но на этой основе растет «надстройка», разная в зависимости от условий проживания и развития конкретного народа. Через ее усвоение происходит социализация индивидуума, впитывание моделей поведения, свойственных конкретному народу.

Китаец борется с собой, собственным сердцем, ленью, эгоизмом, жадностью. Зло для него заключено внутри человека. В сказках, когда он борется против чудовища или злого правителя, китаец сначала уделяет много усилий правильному внутреннему настрою (свобода от страха, сила желания, духовная чистота), а потом уже идет в бой.

Русский борется с внешней «злой силой», воплощенной в волшебных образах Кощея/Змея Горыныча/ведьмы и т.п. и более реальных персонажах злых

людей и животных – сильных мира сего и силах природы, – это те, кто вторгся, отобрал, угрожает жизни. Если китайца выгнали с земли – он отойдет, построит новый дом, вспашет новое поле и начнет новую жизнь лучше прежней. Это не значит, что он слаб, просто он меньше защищает свои интересы и больше чужие, ведь если похитили невесту, посадили в тюрьму брата, убили, обидели отца, – он не побоится отстоять правду.

Китайские сказки в большинстве своем учат: забота о своих интересах порождает жестокость в характере человека, безделье ведет к глупости, полагайся на свои руки, будь терпелив и довольствуйся тем, что имеешь. Тогда духи заметят тебя и помогут. Русские сказки учат: зло – атрибут внешнего мира, борись с ним, как можешь, а высшие силы помогают тому, кто смел и добр.

Мы также рассмотрели концепт «красота» в русских и китайских сказках. Как нечто, вызывающее сильные положительные эмоции и чувственное наслаждение, красота занимает важное место в обеих картинах мира. Особенно это заметно в китайских сказках и можно сделать вывод, что умение любоваться окружающим миром, получать эстетическое наслаждение – качество каждого добродетельного человека в представлении китайцев. В китайской картине мира важную роль играет нравственно-этическое значение красоты как инструмента воспитания духа. Но в тоже время и китаец, и русский оба отдают предпочтение красоте характера, а не внешности, предпочитают судить человека по делам.

Национальная особенность китайских сказок проявляется в детализации внешности героев, убранства жилища, точном географическом указании на местность, где разворачиваются события, в отличном от русского сказочном ландшафте (горы, покрытые лесом, вместо полей и лесов равнина).

Важность для китайца занимаемого им социального положения в четко определенной государственной структуре проявилась в строгой иерархии персонажей сказки (повелитель и слуги, старший и младший). Китайские сказки отражают веру китайцев в духов местности и духов-оборотней. В русских сказ-

ках больше выражена борьба человека с окружающим миром с помощью ума и благоволящих высших сил.

Цветовой код китайской и русской картин мира основывается на общей для всех народов триаде черного, белого и красного. Толкование этих цветов соответственно тоже похоже: белый – добро, свет, чистота; черный – зло, ночь, опасность; красный – огонь и огромная жизненная сила. Но в русской картине мира каждый цвет выполняет свою четко очерченную функцию, а в китайской им свойственна двойственность, тесное взаимопроникновение, метафорически выраженное в сказках в виде оборотничества. Красный и черный цвета сигнализируют об опасности и в тоже время о новых возможностях для решившего рискнуть героя. Белый – символ не только добра, но и загробного мира. Если по логике русского человека смерть и все, что с ней связано – это зло, то для китайца все не так однозначно: смерть – еще и переход в новую ипостась, это мудрость и накопленный опыт, это почитаемые предки и приобщение к смерти может нести не только плохое, но и хорошее.

В русской и китайской картинах мира семья видится только патриархальной. На неподчинении, нарушении субординации в семье основан конфликт сказки. Не к добру ведет, если в семье командует женщина, если дети не слушают родителей, младшие – старших. Но и у мужа, родителей, старших братьев и сестер есть свой долг по отношению к младшим – заботиться о них, не обижать. И русские, и китайцы рассматривают брак с практической точки зрения – как союзничество между двумя семьями. У родственников одни цели и они всегда должны стоять друг за друга.

Но если в китайском представлении неподчинение в семье невозможно в принципе, то русские дети более своевольны, особенно в выборе супруга. Это объясняется, возможно, более подчиненным положением китайской женщины, обычаем платить серьезный выкуп за невесту, которого нет у русских. С другой стороны, это говорит о том, что китаец ставит интересы и благополучие коллектива (и, главное, семьи) выше своих, в то время как русский иногда поступает наоборот.

Отличие китайских и русских отношений в семье заключается в том, что китаец продолжает по-доброму относиться к обидчику, если это его родственник, оставляя наказание на волю высших сил, а для русского допустимо отомстить за себя, даже жестоко. Зато китайцы гораздо строже карают преступления против общины и старшего по рангу, чем это принято у русских.

Кроме того, в китайской картине мира больше значения придается взаимоотношениям в общине. Чем больше ее члены помогают друг другу, тем она сильнее. Таким образом, поддержку китаец видит не только в родных, но и в коллективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проанализировав русские и китайские сказки в лингвокультурологическом аспекте, можем констатировать, что ключевыми концептами в них являются: «добро/зло», «красота», «семья» «животные».

При раскрытии содержания культурных концептов в русских народных сказках большую роль играют лексические средства языка, при помощи которых передается основное и коннотативное значение, стилистическая и эмоциональная окрашенность концепта. Среди них выделяются пословицы и поговорки, выразительные средства языка, которые помогают представить менталитет, национальные особенности этноса и выявить лингвокультурологический потенциал культурных концептов. Основным средством отражения концептов в сказочном тексте является вербализация.

В китайских сказках средствами репрезентации ключевых концептов, как и в русской сказке, выступают: лексем-понятия, лексем-образы героев, пословицы и поговорки, художественно образные средства и противопоставление.

Концепты «добро/зло», «красота», «семья» «животные» формируют русскую и китайскую картину мира. Изучив национальную картину мира в русских и китайских сказках, на основе полученных данных мы можем сделать сравнительный анализ этих двух картин мира. Выводы о выявленном сходстве и различии приведены в таблице.

Таблица 1 – Сходство и различие русской и китайской картины мира в русских и китайских народных сказках

Показатель для сравнения	Русская картина мира (РКМ)	Китайская картина мира (ККМ)
1	2	3
концепт «добро»	= поведение, одобренное обществом; = хорошие отношения с другими	= отношение с другими и к другим; = правильное поведение и вежливые слова
	качества: трудолюбие, честность, скромность	
	добро побеждает зло	

Продолжение таблицы 1

1	2	3
<p>концепт «зло»</p>	= жадность, жестокость (+ эгоизм в ККМ)	
	= лень и глупость	
	акцент на глупости	акцент на лени
	зло снаружи (враг)	зло внутри (сердце)
	бороться с помощью ума (хитрости), силы, храбрости (+ терпение, трудолюбие, работа над собой)	
	защищает свои интересы	защищает интересы общины, родных
<p>концепт «красота»</p>	<ul style="list-style-type: none"> - женское качество; - внутренняя красота важнее внешней; - без ума не представляет ценности 	
	восприятие сенсорное	восприятие сенсорное, эстетическое и духовное (красота – инструмент воспитания духа)
<p>человеческие типажи (в сказках о животных)</p>	важнее не социальное положение, а личные качества	иерархичность, важно занимаемое социальное положение
	проявлено слабее	вера в духов, оборотничество (мифологические корни)
<p>цветовой код</p>	<p>черный (зло), белый (добро), красный (огонь, жизнь) – основные цвета</p>	
	цветовые функции противопоставлены	цветовые функции двойственны: в белом – печаль и пустота, в черном – глубина и таинственность, в красном – опасность

1	2	3
концепт «семья»	<ul style="list-style-type: none"> - патриархальность; - иерархичность; - практичный взгляд на брак; - забота о старых родителях, уважение к старикам (в ККМ все это выражено сильнее); - забота и помощь – залог выживания (в ККМ + акцент на совместный труд); - мать – идеал любви, отец может плохо относиться к детям 	
	содержание лексемы «семья» постепенно сужается (сейчас – только близкие родственники, живущие вместе)	содержание лексемы «семья» шире (род, предприятие)
	возможно неподчинение взрослого ребенка в вопросе выбора супруга	неподчинение невозможно
	возможно мстить родственникам	нельзя идти против семьи, коллектива, старшего

И русская, и китайская картины мира – патриархальные, со строгой иерархией членов социума. Им обеим свойственны коллективизм, общинность. Но в китайской картине мира эти свойства выражены сильнее. Возможно, это связано с многочисленными переломными моментами в русской истории (крещение, петровские реформы, революция). Китайская история в этом плане спокойнее вплоть до изменений сер. XX в. Поэтому русскому человеку более свойственны индивидуализм, свобода поведения, меньшая оглядка на чужое мнение, менее крепкие семейные связи, не такое уважительное отношение к старшим.

Таким образом, первая значительная точка отличия китайской картины мира от русской – более развитое чувство коллективизма у китайцев. Это проявляется в их большем стремлении налаживать контакты, большей заботой об

интересах рода и коллектива (ставят их выше собственных), негативном отношении к эгоизму, большей значимости занимаемого социального положения, умении терпеть невзгоды и довольствоваться малым (меньшая требовательность).

Другой важный момент в мировоззрении китайцев – это отпечаток, наложенный различными духовными учениями, существовавшими на территории Китая (даосизм, конфуцианство, буддизм). Китайцы больше, чем русские, уделяют внимание нравственному началу, воспитанию добродетельности, умению чувствовать красоту.

Итак, нами были выявлены черты сходства и различия в русской и китайской картинах мира и найдено больше общих черт, а разница лишь в нюансах, расстановке акцентов. Поэтому у китайцев и русских есть хорошая основа для контактов – это их близкие взгляды на главные вопросы бытия, понятие хорошего и плохого, понимание важности взаимопомощи и сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С. А. Аскольдов ; под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
- 2 Апресян, Ю. Д. Избранные труды : В 2-х томах / Ю. Д. Апресян. – М., 1995. – 248 с.
- 3 Алефиренко, Н. Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 242 с.
- 4 Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999. – 242 с.
- 5 Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М. : Наука, 1993. – С. 3–6.
- 6 Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.
- 7 Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 1996. – 243 с.
- 8 Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–21.
- 9 Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 1996. – 246 с.
- 10 Бабушкин, А. П. Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики / А. П. Бабушкин, М. Г. Жукова. – Воронеж, 1999. – 248 с.
- 11 Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 124 с.
- 12 Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2002. – 248 с.

13 Бычкова, Л. С. Концептуализм, концептуальное искусство / Л. С. Бычкова, В. В. Бычков // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. – СПб. : Университетская книга; 000 “Алетейя”. – Т. 1. – 1998. – С. 325–327.

14 Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 248 с.

15 Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М., 1999. – 128 с.

16 Верещагин, Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1999. – 286 с.

17 Верещагин, Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999. – 246 с.

18 Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – М., 1997. – 248 с.

19 Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. – 184 с.

20 Воркачев, С. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Воркачев. – М. : Гносис, 2004. – 198 с.

21 Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. – 2001. – Т. 60. № 6. – С. 47–58.

22 Воркачев, С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С. Г. Воркачев. – Волгоград : Перемена, 2003. – 156 с.

23 Гумбольдт, В. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. Введение во всеобщее языкознание / В. Гумбольдт. – СПб., 1859. – 264 с.

- 24 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль : в 4-х т. – М. : Русский язык, 1981–1982. – 248 с.
- 25 Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) / Д. О. Добровольский // ВЯ. – 1997. – № 6. – С. 17–24.
- 26 Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – 184 с.
- 27 Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В. Г. Зусман. – Нижний Новгород : Деком, 2001. – 124 с.
- 28 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 136 с.
- 29 Карасик, В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999. – 216 с.
- 30 Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – 324 с.
- 31 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград, 2002. – 164 с.
- 32 Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : ВГУ, 2001. – С. 75–80.
- 33 Карасик, В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.
- 34 Караулов, Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю. Н. Караулов. – М. : ИРЯ РАН, 1999. – 124 с.
- 35 Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – 243 с.

- 36 Карнап, Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике / Р. Карнап. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 234 с.
- 37 Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 124 с.
- 38 Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
- 39 Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и в языке / Г. В. Колшанский. – М., 1990. – 242 с.
- 40 Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 242 с.
- 41 Красавский, Н. А. Эмоциональная концептосфера немецкого языка (этимологический анализ базисных номинантов эмоций) / Н. А. Красавский // Языковая личность: проблемы креативной семантики. – Волгоград, 2000. – 242 с.
- 42 Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 90–92.
- 43 Лихачев, Д. С. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачев // Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. – СПб. : «Алетейя», 1997. – С. 342–347.
- 44 Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // ИАН СЛЯ. – 1993. – Т. 52, № 1.
- 45 Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. Вып. 1. – № 1. – С. 3–9.
- 46 Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центрконцепта. – Архангельск : Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
- 47 Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Прайм-Евроснак, 2002. – 202 с.

- 48 Михальчук, И. П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») / И. П. Михальчук // ИАН СЛЯ. – 1997. – Т. 56. – № 4. – С. 41–48.
- 49 Москвин, В. П. Семантическая структура и парадигматические связи полисеманта (на примере слова СУДЬБА). Лексикографический аспект / В. П. Москвин. – Волгоград, 1997. – 244 с.
- 50 Нерознак, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск : Издво ОМГПУ, 1998. – С. 80–85.
- 52 Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М., 1982. – 248 с.
- 53 Панченко, Н. Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков) / Н. Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 462 с.
- 54 Никитин, М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 53–64.
- 55 Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 2001. –
- 56 Парыгин, Б. Д. Основы социально-психологической теории / Б. Д. Парыгин. – М. : Мысль, 1971. – 167 с.
- 57 Попова, З. Д. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 246 с.
- 58 Попович, М. В. Философские вопросы семантики / М. В. Попович. – Киев, 1975. – 246 с.
- 59 Почепцов, О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // ВЯ. – 1990. – № 6. – С. 15–24.
- 60 Попова, З. Д. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 7–10.

61 Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 242 с.

62 Попова, З. Д. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях / З. Д. Попова // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Кемерово : Графика, 2003. – С. 6–17.

63 Попова, З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики / З. Д. Попова // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. – 1996. – № 2. – С. 64–68.

64 Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2002. – 164 с.

65 Попова, З. Д. Языковое сознание и другие виды сознания / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык. История. Культура. – Кемерово : Графика, 2003. – С. 17–21.

66 Прохвачева, О. Г. Лингвокультурный концепт “приватность” (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. канд. филол. наук / О. Г. Прохвачева. – Волгоград, 2000. – 246 с.

67 Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Культурология. XX век : антология. – М. : Юрист, 1995. – С. 69–104.

68 Слышкин, Г. Г. Текстовая концептосфера и ее единицы / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – 188 с.

69 Слышкин, Г. Г. Тендерная концептосфера современного русского анекдота / Г. Г. Слышкин // Тендер как интрига познания (гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации). – М., 2002. – 124 с.

70 Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М., 2000. – 124 с.

- 71 Слышкин, Г. Г. Текстовая концептосфера и ее единицы / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 1999. – 142 с.
- 72 Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Перемена, 2004. – 242 с.
- 73 Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 96 с.
- 74 Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко. – Краснодар, 1999. – 228 с.
- 75 Соломоник, А. Язык как знаковая система / А. Соломоник. – М., 1992. – 214 с.
- 76 Соломоник, А. Семиотика и лингвистика / А. Соломоник. – М. : Молодая гвардия, 1995. – 242 с.
- 77 Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология / Ю. А. Сорокин. – Самара, 1994. – 122 с.
- 78 Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 242 с.
- 79 Стернин, И. А. Проблема сквернословия / И. А. Стернин. – Туапсе : ГУП “Туапсинская типография”, 2000. – 162 с.
- 80 Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – 123 с.
- 81 Тарасова, И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / И. А. Тарасова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 68 с.
- 82 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 228 с.
- 83 Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.

84 Телия, В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 124 с.

85 Толочко, О. В. Образ как составляющая концепта школы / О. В. Толочко // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград, 1999. – 124 с.

86 Толстой, Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н. И. Толстой // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – 192 с.

87 Трифонов, Е. В. Психофизиология профессиональной деятельности. Словарь / Е. В. Трифонов, И. Е. Трифонов. – СПб., 1998. – 194 с.

88 Урынсон, Е. В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урынсон // ВЯ. – 1998. – № 2. – 234 с.

89 Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Вып. 8. – М. : ВИНТИ, 1977. – 242 с.

90 Фрумкина, Р. М. Константы культуры – продолжение темы / Р. М. Фрумкина // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – С. 167–177.

91 Хроленко, А. Т. Лингвокультурология / А. Т. Хроленко. – Курск, 2000. – 282 с.

92 Хегер, К. Ноэма как *tertium comparationis* при сравнении языков / К. Хегер // ВЯ. – 1990. – № I.

93 Черч, А. Введение в математическую логику / А. Черч. – М. : Изд-во иностр. лит., 1960. – 241 с.

94 Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions. Cambridge, MA: Peabody Museum, 1952.

95 Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 254 с.

96 Шилков, Ю. М. О природе фикционального дискурса / Ю. М. Шилков // Я. (А.Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 15–22.

97 Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 134 с.

98 Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // ВЯ. – 1998. – № 3.

99 Яковенко, Б. Вильгельм Виндельбанд / Б. Яковенко // Вопросы философии и психологии. – 1916. – С. 132.

99 Triandis, H. C. The analysis of subjective culture. – N.Y.: Wiley, 1972.